Анна Поршнева

В лесу, на море, в небесах

Подлинная история избушки на курьих ножках

12+

Анна Поршнева

В лесу, на море, в небесах. Подлинная история избушки на курьих ножках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63866668
SelfPub; 2021

Аннотация

Некоторые рождаются Бабой-ягой, некоторые учатся на Бабу-ягу в школах магии, некоторые становятся злобной старухой с течением безжалостного времени. А кое-кто Бабой-ягой притворяется… И что еще прикажете делать бедной Аленке, если из деревни ее гонят за то, что лечит скотину, а единственным другом в лесу становится избушка на курьих ножках? Но если ты смелая и разумная, если у тебя доброе и юное сердце, то и тебя и избушку ждут путешествия и приключения, о которых и не могла мечтать длинноносая девчонка.

Содержание

Часть первая 7
Предупреждение автора 7
Начало 9
Как избушка утварью Аленку снабдила 12
Травоведение 15
Признание 17
Преображение 19
Мечта 21
Как мать поставила 23
Как орлица над орленком 25
Чудесные вечера с самоваром 27
Как Аленка шишиге помогла, а себе помочь не сумела 29
Как родятся водяные 31
Со своей меркой 33
Несправедливость 35
Лирическое 38
Зима в избушке 40
Последствия 43
На паркете 45
Долгожданные приключения 47
Сливки 50
Эта самая любовь 53

Липовые куколки 55
Наливное яблочко 58
Пятница, тринадцатое 61
Атрибут (псевдонаучное отступление) 63
Зеркало 65
Детективная история 67
Мелкие неприятности 71
Конец сказки 73
Летучий корабль 75
Часть вторая 78
Прощальный взгляд на покинутый лес 78
Навигация 80
Якорный, маячный, канальный 82
Пачпорт 84
Тяжело в учении 86
Скворец 88
Призрак 92
В пути 95
Зверь индрик 97
Повесть о Савитри, жене преданной и любящей 100
Привередница и скромница (сказка, рассказанная ладье крокодилами, пока Аленка буйволиц доила) 103
Блинчики да с маслицем 106
Мудрая обезьяна 108

Путь смерти 111
Кицунэ 113
В гостях 116
Ёма-баба 119
Старое ремесло 121
Наконец-то отдохнем! 125
Часть третья 127
Совсем не святочный рассказ 127
В углу 131
Разговор по душам 134
На заводе 136
Смерть и новые знакомства 138
Та самая Аленка 140
Объяснение 142
Отлет 144
Про то, как кот Василий на ладье объявился 146
Стремительные жители Миннемюлле 150
Подменыши 152
Джек и бобовое зерно 155
Горшок золота 158
Тайна 160
История кенара Рико, рассказанная им самим 164
Самая короткая глава 167
Приманка 168
Встреча с данайцем 170
Старый знакомый 174

Явился на зов 177
Испытание судьбы 180
Освобождение 184

Анна Поршнева
В лесу, на море, в небесах. Подлинная история избушки на курьих ножках

Часть первая
Подлинная история избушки на курьих ножках

Предупреждение автора

1. Все составы зелий, приведенные в повести, являются подлинными. Точные цифры и время сбора трав не приводятся, так как рецепты составляют охраняемую законом интеллектуальную собственность бабы-яги.

2. Читателям строго не рекомендуется применять описанные зелья на практике.

2. Баба-яга не несет никакой ответственности за тех, кто изготовит зелье по ее рецепту и испробует его. Баба-яга не несет также никакой ответственности за тех, кто попытается

летать в ступе, заметая следы помелом.

Начало

Баба-яга, почитай, все одно, что бесприданница была. Из всего движимого имущества у нее были только антикварные ступа с пестом, помело, да пара-тройка кацавеек. Потрепанные юбки и чуньки, а также горшки, кружки и прочие ухваты мы даже и считать не будем. Иногда бабе-яге удавалось провести выгодную коммерчески операцию, и тогда заводились у нее в пыльном уголке, в укладочке, медные монеты да серебряные рублевики. Но деньги у старухи не держались. Она их спускала на новомодные затеи, вроде волшебных стекол для рассматривания блошек, и на сласти, без которых жить не могла. Недвижимого же имущества у бабы-яги не было вовсе.

Как, скажет осведомленный читатель, как так не было? А изнакурнож, она же избушка на курьих ножках? Без нее и Яга не Яга! Так-то оно так, да совсем даже в обратную сторону выходит. Избушка эта никак не могла быть собственностью бабы-яги, потому что принадлежала к древнему, и ныне почти вымершему, племени волшебных созданий.

Когда-то много лет назад, устав от вечной неприбранности, насмешек, которыми осыпали ее лешие да водяные (а она им даже ответить не могла, только квохтала обиженно)

да противных жуков-короедов, от которых вечно чесалось внутри бревен, собралась было избушка покончить жизнь самоубийством.

Дождалась, пока над лесом нависла туча, да загромыхало, за дождь припустил, да молнии засверкали, и пошла к лесному озеру топиться. Знамо дело – затея дурацкая. Ну, никак не может деревянная изба потонуть. Даже если и на курьих ногах.

Когда страдалица это сообразила, пала на берегу среди камышей и зарыдала в голос. Только слышит своим чутким ухом, что кто-то ровно подвывает ей. Поднялась, встряхнулась, и на звук пошла. Вглядывается сквозь дождь и видит: сидит на берегу озера девица – ну совсем не красавица. Нос длинный, щеки смуглые, тонкие кудельки ко лбу и щекам липнут, по лицу дождевая вода пополам со слезами льется.

– Ты кто? – хотела спросить избушка, но получилось у нее, конечно, только участливое квохтание.

– Аленка я, – говорит девица, ровно поняла, – а деревенские все больше ведьмищей поганой зовут.

– Ишь ведь, – квохчет избушка дале, – как не повезло тебе девка.

– Да уж, не повезло, – продолжает отвечать Аленка, – кузнец стращал прибить, потому что я на его лошадь вроде бы порчу навела. А она просто клевера объелась и животом маялась. Совсем житья не стало на деревне. Вот, собралась в лесу жить. Только негде мне.

– Так давай вместе жить, коли мы так друг друга понимаем, – предлагает избушка.

– Давай! – соглашается Аленка.

Так и зажили они вместе. И славно зажили!

Как избушка утварью Аленку снабдила

Как огляделась Аленка в избе, так и пригорюнилась. Печка, конечно, справная, с вьюшками, заслонками и кочергой. Дверь хорошая – крепкая, в меру скрипучая. Полы годные. Даже небольшой запас дров на первое время в сенях свален оказался. Но никакой утвари в избе нет. Ни плошки, ни горшка, ни прялки, ни метлы. А в деревню Аленке нельзя – в деревне злющий кузнец дожидается. Совсем было собралась Аленка снова плакать. Да вовремя за ум взялась. Было у нее с собой в платочке с десяток копеек медных. Село торговое верстах в пяти всего. Воскресенье, опять же, завтра. Конечно, Аленке вовсе не хочется тратить последние деньги на горшки да чугуны. Хочется ей ленту красную в косу и пряников медовых. Но делать нечего.

Встала назавтра ранехонько, лицо водой озерной ополоснула, совсем собралась было в дорогу, вдруг слышит – избушка квохчет радостным голосом и лапами землю под себя загребает. Смотрит – а под избушкой три яйца размером с ушат лежат. Одно желтенькое, деревянное, словно бочка сделанное, дощечка к дощечке ровно прилажена. Другое из обожженной глины, голубой глазурью разрисованное, и третье – из серого камня-песчаника.

Выкатила девушка яйца из-под избы, кочергу схватила, в щель между досками у деревянного яйца приладила и взломала. А там – игрушечки, да так ладно деланные – и прялка, и ткацкий стан, и лавки, и столы, и полочки резные, и тачка огородная и даже ложечки малюсенькие. А избушка, знай, поквохтывает, да призывно дверью пощелкивает – мол, иди внутрь, Аленка. Аленка в ладони игрушечки собрала, да в избу и взошла. И тут же упала, потому что игрушечки враз стали расти да тяжелеть. И не успела девушка подняться, как смотрит – вся горница полна саморазных полезных снастей.

Сообразила Аленка, что к чему, и бегом ко второму яйцу. Бить его кочергой очень не хотелось – такое оно было красивое, все голубыми узорами изукрашенное. Но пришлось. А в нем – посудка, разная, много. Еле успела ее Аленка на стол вывалить, как заполнился стол горшками, крынками, чашками да мисками.

Каменное же яйцо и бить не пришлось – лопнуло оно само, а из него ступка с пестиком вывалилась. "Вот, – думает Аленка, – это подходящий размер, это расти не будет". Как бы не так! Поднялись клубы пыли, расчихалась Аленка, глаза протерла, смотрит – стоит у избы ступа, аршина два высотой и пест соразмерный.

Зачем такие нужны? Да никто таким пестом и ворочать-то не может, не то что травы в ступе толочь! На всякий случай попробовала Аленка пест сдвинуть – тяжелый, не поддается.

И девушка призадумалась.

Травоведение

Не сложилось ли из моих рассказов у тебя мнение, любезный читатель, что Аленка умела только горевать и плакать у омута? Нет, не зря выгнали ее из села. Уже давно она изучала всякие травы, с детства выспрашивала старух-ведуний, да пробовала разные зелья, зачастую, на себе. В общем, знала Аленка силу трав и умело использовала свои знания: сводила бородавки и веснушки подругам, лечила скотину, помогала детишкам, когда они животами маялись… Да еще и имела на этот счет кое-какие нетрадиционные взгляды. Например, всем ведь известно, что дубовая кора делает кожу крепкой и эластичной. Так почему бы не найтись траве, которая сделает ступу и пест легкими? Так подумала Аленка и решила экспериментировать. Растения, которые для облегчения, были хорошо ей известны: тут тебе и семена тмина да аниса, и кора крушины, и красавка душистая… Правда с красавкой надо осторожнее быть – уж больно сильны ее ягоды, тут и до беды недалеко. Стоп. Не начать ли как раз с самого сильного? И принялась Аленка составлять смеси, готовить отвары да настои, пробовать на ступе разные масляные притирания. Весь день билась, под вечер грибами перекусила наскоро и всю ночь опять молола, толкла, смешивала… И добилась таки своего! Немного красавки, немного дурмана, щепоть аниса, вода с бутонов кувшинки, листья болиголова… Что-то там

еще на пару и барсучий жир для связи. Заискрилась мазь в лучах луны, заиграла голубым и зеленым, и поняла Аленка, что удалось.

Только вот что удалось-то? Бегом во двор, ступу да пест намазать. Вот уже и они засветились среди ночи таинственным светом, а потом – не верит своим глазам Аленка – поднялись над землей да запоскакивали. И метелка из лапчатки, которой Аленка мазь наносила (потому что не дура она такую ядовитую смесь руками трогать) принялась расти и обратилась в огромное помело. Смотрит Аленка – ветка толстая, что рядом со ступой на земле валялась, встала и сама собой к ней заковыляла. Конопляной веревкой связала палку с помелом, да вдруг – сама не знает почему – взяла да и запрыгнула в ступу. Повела помелом, ступа взвилась в небо и полетела.

Эх, вот она какова, вольная воля! Волки внизу бег свой останавливают, совы на лету головы сворачивают, летучие мыши, обиженно пища, бросаются опрометью в сторону от ступы, а которая не увернулась – что ж, прощенья просим. Весело Аленке, и ни капли не боязно. А чего бояться? Чувствует она в себе силу, и даже страшный кузнец ей уже не страшен.

Признание

Но не одни волки да совы в ту ночь наблюдали полет Аленки. Видела его дочь кабатчика Авдотья, ей то ли ночью просто так не спалось, то ли в груди тяжело стало, то ли она в овин к Ваське рыжему бегала – про то я не знаю, а врать не стану. Видела летучую ступу, а в ней Аленку, которую признала по длинному носу, – еще бы, от волшебной мази, летучий снаряд весь сиял. Видела да никому не сказала, хоть была страсть как болтлива. А потому что сама имела надобность в колдовстве, и прихватив по утру корзину, сказала отцу, что пойдет в лес за ягодой, а сама прямиком побежала туда, где ночью ступа приземлилась, к озеру. Смотрит – стоит у озера избушка на курьих ножках, а на крыльце Аленка спит – сомлела так после полета, что до лавки не добралась, так на крыльце и заснула, и даже солнечный свет ей не мешает.

Боязно курьих ног – ну, как наподдадут со всей силы? Да Авдотья не из трусливого десятка, растолкала колдунью и принялась той что-то на ухо шептать. Шепчет, а сама краснеет.

– Ну, – ворчливо говорит недоспавшая Аленка, – ничем я тебе помочь с твоей первой бедой не могу, разве что посоветовать есть побольше капусты. Старухи говорят, от нее

вырастет грудь колесом. А чирьи с мягкого места сведу. Есть у меня травка.

– Буду, буду есть капусту, – радостно кивает головой дочь кабатчика. – А вот тебе тут, держи, холстина, небеленая, правда, да молока кринка, да хлебца с лучком. Прими, не побрезгуй!

– Чего ж мне брезговать, – думает Аленка, а вслух говорит, – Так приходи завтра, да пузырек какой не забудь, хоть берестяной, куда зелье отмеривать будем.

И, сказать правду, не было с той поры у Аленки недостатка ни в питье, ни в еде, ни в шерсти, ни в холстине, ни в какой одежде и обувке. Так что позабыла она даже, как рукодельем заниматься, а ткацкий станок и прялка с тех пор пылились в самом дальнем углу.

Преображение

Вроде бы и хорошо живется Аленке вместе с избушкой. Вроде бы и привольно, и снеди в достатке, даже пряников печатных, и алая коса в ленте завелась, и сапожки козловые, и на тонких берестах записано уже немало новых рецептов зелейных тайными знаками… Вроде бы навела Аленка порядок, повыгнала противных короедов, острым языком отучила всех окрестных леших и водяных над избушкой изгаляться… А все не то. Чувствует Аленка, что нет к ней уважения настоящего. Чувствует избушка, что знает в чем дело, да как девушке рассказать, не знает – опасается.

Дело-то такое, деликатное. Опасное дело. Молода Аленка слишком, вот что. Слишком худая, да стройная, слишком гладкое лицо да слишком темные волосы. Ей бы скрючится малость, охрометь, покрыться морщинами, потерять пару-тройку зубов да отрастить нос подлинней. Хотя нос у Аленки подходящий и многообещающий, но еще не тот. В общем, надо Аленке постареть. А как ей об этом скажешь? Еще обидится, да и уйдет совсем, а терять такую подружку изба не намерена.

Однако ж стала обиняками да намеками подкудахтывать, что, дескать, молодым ведьмам в лесу опасно одним жить. Что настоящей бабе-яге завсегда и сподручней, и уважения от прочей нечисти больше, и слава о ней дальше расходит-

ся. Вода камень точит. Потихоньку Аленка сама стала склоняться, что старухой быть куда выгодней. Но враз ведь постареть нельзя? Постареть нельзя, зато можно перекинуться. Скинула Аленка одежду, натерлась ореховым маслом, да и перевернулась через гребешок деревянный. И стала старуха хоть куда. И сарафан ее расшитый превратился в бесформенную юбку, а душегрея -в кацавейку заячью лохматую. И даже лента алая в грязный платок обернулась. А избушка рада-радешенька и кудахчет что-то одобрительное.

Стоит Аленка посередь горницы, как вдруг стук в дверь – очередная девка за приворотным зельем пожаловала, яиц десяток в платочке принесла. Увидала старуху страшную, завизжала, закричала:

– Ахти! Баба-яга нашу Аленку в печи испекла и съела!

Вздохнула девушка, да делать нечего – знать, быть ей теперь старухой на веки вечные.

Мечта

Аленка была девушкой рациональной и особо ни о чем не мечтала. Если и задумается порой, как бы придумать какое-то зелье, так тут же достанет горшки муравчатые, да травки сушеные, да печку растопит и начинает зелья варить – пробовать. И не остановится, пока результата не достигнет.

Иное дело избушка. Избушка была мечтательницей. Любила посидеть, вглядываясь своим макушечным глазом – печной трубой в ночное небо и считая созвездия, так что потом весь день ходила сонная и зевала во всю дверь. Любила прогуляться к озеру и полюбоваться на пляски полупрозрачных дев-водяниц. Любила понаблюдать за играми волчьих щенков или бельчат. И, как у всякой мечтательницы, была у нее великая тайна: избушка хотела летать. Часто виделось ей, как крыша превращается в огромные крылья и уносит ее в чудесные новые земли. Или, например, представляла она, как курьи лапы обращаются в чрезвычайно быстрый пропеллер и поднимают ее аж до самой луны.

Но избушка, кроме всего, была скромницей. Так что ее мечты обычно заканчивались мыслью о том, как смешно и нелепо выглядит летучая избушка, да еще и на курьих ножках. Так что никому избушка о своих чаяниях не рассказывала. И даже Аленке, хотя та могла бы, наверное, их исполнить. Могла бы, точно!– понимала избушка, но при мысли,

что сначала остроумная ведьма обсмеет ее с лап до крыши, сжималось робкое сердце и слова застревали в горле. В горле? Блин, а как оно называется – то, чем кудахчет избушка на курьих ножках? Устьем она кудахчет, что ли? В общем, сжималось устье.

А Аленка, вечно занятая своими серьезными делами, об избушке не много думала. И о чем та вздыхает на вечерней заре, совсем не догадывалась.

Как мать поставила

Вообще-то избушки на курьих ножках издавна с бабами-ёгами в симбиозе живут. Никто даже уже не помнит, как так получилось. Так что Аленка у избушки не первая лесная ведьма была. Прежде избушка жила с древней мудрой старухой на самом краю три-десятого царства, где, как известно, обретается Кощей бессмертный. Место было бойкое, проезжее, и не было ни бабе-яге, ни ее жилищу никакого спокою. Что ни день прискакивал добрый молодец верхом на лихом коне, или буром волке, или даже на своих двоих за клубочком волшебным прибегал, топал ногой оземь и кричал:

– Избушка, избушка! Встань по-старому, как мать поставила! К лесу задом, ко мне передом! – и приходилось избушке, даже если она была спросонья и мало что соображала, поворачиваться к молодцу своей единственной дверью. А там, естественно, растапливать баньку, кочегарить печку, помогать бабе-яге мыть и потчевать заезжего героя.

Покрик этот избушке страсть как не нравился. Во-первых, что значит по-старому? Избушка испокон веков стояла так, как ей нравилось – окошками в тенек, крыльцом к солнышку, то есть в течение дня крутилась вслед за светилом. Во-вторых, как это – к лесу задом? Кругом ведь лес, со всех сто-

рон чаща непролазная! А молодцы эти набегали и с севера, и с юга, и с запада. Только с востока не набегали – на востоке жил Кощей, от него никто еще живым не выбирался. В-третьих, кто им сказал, где у избушки зад, а где перед? Она сама до конца не знала. Ходить предпочитала по ветру, а какой стороной – ей было абсолютно все равно, потому что со всех сторон водились у нее глаза-сучки. В общем, несли добрые молодцы полную чепуху, да еще и верили, что знают, как с избушками да бабами-ёгами разговаривать. Гаркали постоянно и грозили здоровенными кулаками.

Немудрено, что бабе-яге все это однажды надоело. Заперлась она как-то и три дня зелье варила пахучее да летучее. Потом вылезла, распрощалась с избушкой и велела ступе нести ее в далекую страну Италию. Избушка погрустила, да и пошла, куда глаза глядят, пока с Аленкой не повстречалась.

Баба же яга опустилась на морском берегу, среди итальянских сосен, натерлась зельем и обернулась прекрасной лесной нимфой. Говорят, увидел новоиспеченную красавицу какой-то подмастерье художника, вернулся и нарисовал углем на стене. Говорят, увидел его рисунок мастер, и началось с тех пор в Италии Возрождение. Врут, поди. А ступа с пестом сейчас в римском музее находятся. Считаются артефактами позднего неолита.

Как орлица над орленком

Избушка на курьих ножках… Хотя, собственно, почему именно на курьих? По мнению самой избушки ноги ее больше всего напоминали совиные или орлиные. Они были когтистые, сильные и хваткие. Если бы избушка не боялась побить горшки и миски, она бы запросто на таких лапах могла вскарабкаться на высокую столетнюю сосну, чтобы ринуться оттуда вниз и наконец проверить, умеет ли она летать.

Так вот, избушка на бог-знает-каких ногах опять снесла яйцо. Снесла и копошилась над ним, по-родительски подкудахтывая.

Избушке было страсть как интересно, кто на этот раз вылупится из такого симпатичного, золотистого, гладкого и блестящего яичка. А дитя не торопилось. Дитя ждало. Ждало день, ждало ночь, ждало пару дней и пару ночей, уже полнедели ждало. У избушки даже пар из трубы повалил от нетерпения. Избушка сердито рыла землю своими, так похожими на орлиные, ногами. Избушка нервничала. И тут пар пошел из яйца.

Вернее, сначала появилась тоненькая, еле заметная, трещинка, а потом в ней стал просачиваться ароматный пар, сперва легкой струйкой. Но трещинка все расширялась, пар

вырывался все вольготнее, пока яйцо, наконец, не треснуло, и все вокруг не заволокло белым туманом. Когда туман рассеялся и прояснели запотевшие избушкины окна, она разглядела, что на поляне посреди скорлупы стоит матерущий ведерный самовар. И уже кипящий. То-то радости было!

Оно и понятно: какая жизнь без самовара? А с самоваром как раз начинается самая замечательная жизнь!

Чудесные вечера с самоваром

С самоваром, конечно, жизнь замечательная. Но когда посреди леса заводится избушка на курьих ножках, в которой есть чудесный самовар, и пряники печатные, и сахарные кренделькі, и яблочки моченые, и, самое главное, многознающая крючконосая старуха, поневоле в избушку потянутся гости. Первыми заявились старые и наглые лешие, которые даже малинки в дар не принесли, а сразу стали жаловаться в десяток голосов на то, что у них в ухе дюже стреляет, поясницу ломит, суставы крутит и в горле першит. Аленка повздыхала и выдала им всем по ложке патоки, смешанной с серой. Леших тут же пробрало и они бросились, не попрощавшись, в кусты. А так как пробрало их знатно, лешие решили, что новая баба-яга крепко знает свое дело. И рассказали обо всем водяному.

Водяной, мужчина видный и солидный, пришел не просто так, а принес шкатулку, полную ровного жемчуга и водяную лилию. Аленка засмущалась, что, правду сказать, выглядело довольно смешно, потому что смешно, когда столетняя сгорбленная старуха краснеет и прячет глаза, глупо хихикая. Водяной понял аленкино смущение по-своему и поспешно объяснил, что услуги повивальной бабки ему пока (ну, до октября, по крайней мере) не требуются, а к нужному вре-

мени он пришлет бабке и серебра в пропорции.

Аленка оправилась от смущения, приняла серьезный вид и строго сказала, что меньше, чем за пять рублев, она водянчат принимать не согласная. Водяной, привыкший мерять деньги кисетами, несколько опешил и задумался. Потом решил, что, видно, ведьмам положено жить в строгости и аскетизме, и согласно кивнул головой. Аленка очень радовалась удачной коммерции.

Последней в избушку прокралась молодая и донельзя застенчивая шишига. Была она известна тем, что могла обернуться хошь девицей-красавицей, хошь козочкой быстроногой, хошь комком лохматых водорослей. Шишига о чем-то хотела спросить бабу-ягу, да не решилась. Только выпила пять чашек горячущего чаю и сжевала от смущенья целый тульский пряник.

Так с тех пор и повелось: каждый вечер к Аленке кто-то заглядывал с разговорами, просьбами, сплетнями и подарками. И самовар гудел до самой ночи, не переставая, у крыльца, обдавая куриные ноги ароматным паром.

Как Аленка шишиге помогла, а себе помочь не сумела

А мечтала шишига о простом. Мечтала шишига быть деревенской девкой, выйти замуж за деревенского парня, нарожать ему детишек, стирать ему рубахи, варить щи и печь хлебы… О несбыточном мечтала шишига, ибо была она нечистью лесной, без души, да даже и без постоянной формы. Много вечеров просидела она у Аленки, много чаю выхлебала, много пряников сжевала, пока, наконец, не решилась признаться. Баба-яга возмущенно фыркнула и не стала обнадеживать шишигу, а сама опечалилась. Жалко ей стало несчастную тварь, жалко ей стало и себя, которой тоже теперь обыкновенное бабье счастье заказано, а как помочь – не знает. Думала день, думала два, думала три. Сон потеряла, все думала. Избушка обеспокоилась и стала тихонько ворчать, что негоже, мол, три ночи не спать.

– Отстань, – огрызается Аленка, – не видишь, что ли, сна – ни в одном глазу!

– Как же без сна! – кудахчет – не отстает избушка, – без сна ни человеку, ни бабе-яге, ни даже мне, деревянной избе, невозможно. Во сне и отдохнешь, и похорошеешь, и сказку какую добрую увидишь…

Аленка спать не легла, а, совсем наоборот, принялась, как

безумная, по избушке бегать и разные холщовые мешочки с травами с полок подхватывать. И до утра варила что-то темное да вонючее.

Весь день проспала, а к вечеру через птиц да шмелей дала знать шишиге, чтоб приходила.

– Сделать тебя девкой я не могу. А прожить жизнь человеческую помогу. Только будет она не наяву, а во сне.

Шишига как поняла, так сразу схватила кружку с зельем, глотнула и свалил ее странный сон. Вроде бы и сон, но все – такое всамделишное, такое настоящее. Вот она девка, обыкновенная девка с курносым носом и не слишком густой косой. Вот к ней на вечерке подходит соседский парень Мирон да приветные слова заговаривает, вот он засылает сватов, вот и свадьба, вот уже она брюхатая ходит, вот совсем скоро рожать – и проснулась.

– А дальше? – и тянется к зелью.

– Дальше потом. Опасное питье, не чаще раза в месяц пить можно, – отвечает Аленка.

С тех пор зажила шишига двойной жизнью и была, кажется, вполне счастлива. Несчастлива была только баба-яга. Умна была слишком, хорошо понимала разницу между сном и явью, потому и зелье ее волшебное ей помочь не могло.

Как родятся водяные

Когда Аленка – молодая баба-яга храбро пообещала Водяному, что за серебряные рублевики будет принимать роды у водяниц, она, конечно, втайне надеялась, что делать этого ей не придется. Ну, мало ли – вдруг станет Водяной бесплодным. Или переберется она вместе с избушкой куда подальше, к Черному болоту, например. Но впоследствии оказалось, что у Черного болота своя баба-яга живет, злющая да неуживчивая, а у Водяного со здоровьем все в порядке.

И вот как-то теплым июньским утром вынырнул из лохани, в которой баба-яга обычно ноги на ночь мыла, маленький водянчонок и запищал тонким капельным голосом. Из писка после недолгого замешательства старуха поняла, что вот-вот у водянчонка появится братик. Или сестричка. Так что, бабушка яга, поспешай и специальный инструмент взять не забудь. А какой инструмент – не сказал. Плюхнулся обратно в лохань и был таков.

И пропала бы репутация неопытной бабы-яги ни за грош, если бы не избушка. Со своей старой хозяйкой она всякие виды видала, и знала, что для этого случая потребна специальная спица, сделанная из таинственного дерева ясеня, корни которого спускаются до самого мира мертвых, а ветви поднимаются прямо к животворящему солнцу.

Схватила старуха спицу и припустила к озеру. Смотрит – а там, на отливающей молочным перламутром отмели лежит водяница и охает. А из живота у нее тянется-извивается ниточка, и из конца этой ниточки вырастает большая капля, в диаметре не меньше семи пядей будет. Капля лежит на поверхности воды и не тонет, а внутри у нее что-то движется и переливается.

Страх взял Аленку, да ненадолго. Смело подошла она к пузырю и, как учила избушка, осторожно проткнула его с восточной стороны. И пузырь лопнул, точно мыльный, а на месте пузыря оказался маленький полупрозрачный младенец. Тотчас из озера выскочил Водяной со всклокоченной от волнения пенной бородой, схватил ребятенка, закутал в эту самую бороду, подхватил водяницу другой рукой и скрылся в глубоком омуте.

"Обманул!" – решила баба-яга, – "Пожалел рублевиков, жадный черт!". Но тут из воды высунулся давешний водяночонок и с поклоном протянул бабе-яге два шитых серебром кисета. В одном из них были самые настоящие, неподдельные рубли, а в другом – крупные зерна речного жемчуга.

Рубли баба-яга спустила на ярмарке на всякие забавы и разношали. А жемчугом выложила на двери особый знак – избушке почет и уважение.

Со своей меркой

Баба-яга любила ходить на базар со своим аршином и своей гирей. Нет, покупать она там ничего не покупала – ей хватало того, что приносили бабы за гаданье, приворотное зелье и лекарственные снадобья. Баба-яга обожала собачиться с приказчиками. Отмерит себе сукна нижегородского десять аршин на юбку, достанет из недр своей безразмерной кацавейки деревянный аршин (и как он там помещался, ума не приложу) и давай перемеривать.

Естественно, поларшина не хватает. Приказчик-то – не дурак, свою выгоду блюдет: пока ткань отвешивает, пальцами ее растягивает. Да и мера у него подточенная.

– Ах ты такой-сякой, песий сын, ворюга беспрозванная, – голосит на весь базар яга и, потрясая обоими аршинами – своим и приказчиковым, показывает всему честному народу, что ее аршин на полпальца длиннее.

– Сама отстань, карга старая, ведьма проклятущая, и аршин твой колдовской неправильный, – не отстает приказчик. Бывает, что на шум выскочит из глубины лавки сам купчина. И невелик он чином – всего только третьей гильдии купец, зато брюхом обширен. И начинает он этим своим брюхом бабу-ягу к выходу теснить. Да не на такую напал! Тыкнет,

бывало, яга его в пузо своим когтем острым, закаленным в боях, и сдуется купчина. С лица побледнеет, задышит тяжело, и кивнет приказчику: мол, давай потише. А то и поднесет яге платочек какой с каемочкой да бахромой.

Возвращается яга домой вся в прибыли, довольная приятным разговором и подарками.

А что же это я про Аленку не пишу, а пишу про какую-то бабу-ягу постороннюю? Да вот как-то так случилось-приключилось, что жила себе Аленка в лесу не три, а целых тридцать три года. И однажды, чары скинув, и глянув в зеркало, обнаружила она, к своему неудовольствию, что теперь оборачиваться старой ведьмой ей вроде и ни к чему. Но долго не печалилась, так только, подивилась – как быстро годы летят.

Несправедливость

Если бы у лешего спросили, чего он сидит у мшелого пенька и куксится, чего не шастает по лесу и не пугает девок, которые во множестве в это время года в лес по грибы бегают, леший бы только угукнул обижено. Но при этом подумал бы с тоской, что нет в мире справедливости. Вот возьмем змеев. У нормального змея всегда есть река Смородина, Калинов мост, богатырь и меч-кладенец. Все для веселой жизни есть у змея! Или возьмем водяного. У него огромадный дворец в реке выстроен, в нем молодые девки-утопленницы его танцами веселят, жемчуга размером с яйцо в хрустальных ларцах лежат, и все купцы проезжие ему кланяются. Кто гусельками яровчатыми, кто крытой парчой шубой, кто собольей шапкой. Или возьмем бабу-ягу. Вот эту новую, шуструю, возьмем, что и полста лет в лесу не прожила, а уже во всем свои порядки устроила. И водяной к ней на поклон ходит, и веснянки ее слушаются, и даже наглая древняя шишига уважает.

А леший и того пуще. Влюбился леший в шуструю ягу, едва увидел ее длинный нос и острые, по-девичьи любопытные глаза. Бродит леший вокруг избушки на курьих ножках: то букет васильков под ручку дверную сунет, то душистой лекарственной травки на поляне рядом вырастит, то лукош-

ко орехов под крыльцом оставит. А яга не замечает его стараний. Разве что иногда угостит чаем с пряником, да попросит меду от диких пчел набрать. Даже не улыбнется ласково. Так только, по древнему яговьиному обычаю, цыкнет зубом неопределенно, не поймешь – то ли довольна, то ли сердится.

Как-то совсем невмоготу стало лешему. Набрался он смелости и пошел к лесной чаровнице в чувствах признаваться.

– Чего пришел? – яга варила какое-то зелье и от того была страшно занята. – Чего у порога мнешься? Живот, что ли, опять прихватило?

– Я того. Я только спросить, – шепчет леший, от ужаса ставший цветом точь-в-точь молодые майские листочки на липе. – Не желаешь ли совместно жить? Вдвоем оно того, сподручнее…

– Куда ж я тебя помещу? – мимодумно соображает яга, – полати у меня узкие, лавки тесные, разве в погреб… Да там ты, небось, плесенью порастешь. – Потом опомнилась, конечно, сплюнула и ругнулась в сердцах, – ах ты, такой-сякой щучий сын! Какая мне с того польза, что ты в моей избе шастать будешь, под ногами путаться. Еще склянку какую разобьешь. А ты знаешь, сколько склянка на базаре стоит?

– Не знаю, – еле слышно шепчет леший.

– Две копейки! А на две копейки можно целый фунт пряников печатных купить или пол головы сахарной!

При мысли о таком небывалом богатстве леший совсем сник. Понял он, что никак бабе-яге не соответствует – прост слишком, да и туповат. Вздохнул и поплелся обратно в лес.

Баба-яга, однако, хоть и заботилась о варимом зелье, кой-что заметила. И в следующий же раз, как леший к ней пришел накормила его салатом из побегов ревеня и одуванчикового корня. Через это снадобье лешего сначала беспричинный смех пробрал, потом горькие слезы одолели, а потом встряхнулся леший, приосанился, и всю любовь как рукой сняло. Так что в тот же вечер он, довольный, гонял глупых девок по лесу, хватая их мохнатыми цепкими пальцами за голые икры.

Лирическое

Как-то осенью сидела Аленка, теперь уже окончательно баба-яга, на крыльце избушки, смотрела в синее высокое небо и мечтала. И избушка тоже смотрела в синее высокое небо и мечтала.

В небе тянулись к югу стаи перелетных птиц, разнообразными выкликами волнуя сердца. Вот летят высоко-высоко клином не то гуси, не то лебеди, и кричат что-то сварливо.

"Ах! – думает Аленка – вот бы приручить этих гусей-лебедей да и послать в какую-нибудь деревню, чтоб они там выбрали мальца покрасивше да покудрявей и принесли бы этого Ивашечку ко мне. Я бы ему яблочков дала, малинки сушеной, он бы в сенях играл и смехом меня радовал". Мечтательные картины на мгновенье мелькают перед взором яги, но тут же уступают место жестокой прозе. "Ну, вот принесут они мне этого Ивашечку. – рассуждает баба-яга, – а он поднимет рев. Ну, успокою я его. А он расшалится, все мои котлы перевернет, все мешочки с сушеными травами перепутает, все скляночки с зельями разобьет. А потом все равно в рев кинется. Я ведь ему не нужна. А нужна ему какая-нибудь тонкогубая горластая Варвара, баба бойкая и сметливая, да грязноногая сестрица с вечно замызганным дорожной грязью подолом. Придут они ко мне в избу отнимать Ивашечку,

скандал учинят, еще придется сниматься с места и перебираться куда-нибудь к Кузькиному болоту. Ну их, мечты эти. Пойду лучше пряник съем."

А избушка мечтать продолжает и все мечтает об одном, о заветном. Как проклюнутся у нее однажды на заре крылья, как поднимется она в чистое небо и полетит вольно, куда захочет. Мир поглядит, себя покажет. Увидит далекие синие горы, и пустыни, и море-окиян увидит, и даже дивного зверя индрика, наверное, увидит. И так мечтает избушка от зари до зари, провожая туманным взглядом перелетные стаи, пока не падет на землю первый иней да не позахрустывает в лужах первый лед. Тут уже не до мечтаний. Тут надо дровами топиться да тепло в горницу подавать, а то хозяйка осерчает.

Зима в избушке

Зимой в избушке, особливо когда несколько дней подряд идет снег и заметает по самые окна, тоскливо и скучно. Ни баба не прибежит с узелком, в который завернуты яйца, половина запеченного гуся или крынка свежих сливок да сдобный сметанник. Ни леший не зайдет поделиться свежими сплетнями про водяного и веснянок. Ни прохожий молодец не заглянет вслед за волшебным клубочком в поисках Василисы или Марьи Моревны. Только волки воют да лоси приходят рога об углы сруба поточить.

Очень скучно бабе-яге. Очень скучно избушке. Все разговоры по десять раз переговорены, все истории по десять раз пересказаны, все шишиги в округе по десять раз обсуждены.

А избушке, вдобавок, еще и не пошевелиться, как следует. Не повернуться за солнышком, ноги не размять – глубокий влажный снег мешает, вволю вздохнуть не дает. Баба-яга томилась-томилась, да и придумала. Встала спозаранку, взяла лопату и принялась снег вокруг крыльца разгребать да ровной горкой приминать. До самого полдника трудилась. В полдник развела самовар, заварила малинки да сухарями с печеными яйцами подкрепилась. Затем принялась мазь разводить. Вонючую! И скипидаром от нее несет, и маслом ка-

менным, и жиром барсучьим. Избушка аж расчихалась, поднявши клубы пыли с давно не чищенных половиков, отчего расчихалась уже баба-яга.

Далеко уж за полночь повалилась спать старуха, не сняв даже валенки и кацавейку, да даже платка не сняв. А утром, чуть солнышко в окно постучалось, вскочила бойкая, как ни в чем не бывало, и побежала курьи лапы мазью мазать. Хотела было избушка возмутиться, да яга рта открыть не дает, покрикивает:

– Стой смирно! Я добра тебе желаю! – и знай натирает когти и пальцы вонючим зельем. От зелья сначала жарко стало, потом зачесалось между пальцев, а потом произошло чудное – когти выросли в длину, аршин не то на десять, не то на двенадцать, переплелись и превратились в лыжи. Прямо вверх по склону выехала избушка из снежного плена и айда на реку, кататься! Баба-яга на крыльцо выбежала, ветер свистит в ушах, изба несется, старуха по-разбойничьи посвистывает…

Водяной глубоко под речкой проснулся от того, что водянята все криком кричат от восторга, за пируэтами избушки снизу наблюдая. Осерчал, конечно, но что он будет делать? Не станешь же с ведьмой лесной ругаться, себе дороже, да и лед толст – не пробить его, не подняться наружу, чтобы учинить скандал.

Лешие на берега реки собрались, радуются невиданному зрелищу.

Дед Пахом, выехавший с утра к дальнему стогу за сеном, да лошадка его пегая вместе рты открыли, дымящую, свистящую и резво скользящую избу увидав.

Далеко ли бы зашли эти безобразия, не знаю, да баба-яга вовремя остановилась. Версты до деревни не доехав, повернула избу назад.

И только об одном грустила, засыпая, что нету второй яги в округе, чтобы гонки устроить и лучшую беговую избу в честной борьбе выявить.

Последствия

Гонки на избушке на ножках-лыжах по ледяной реке в распахнутом полушубке с разбойничьим присвистом – конечно, занятие привлекательное. Особенно, если в душе ты молода, как семнадцатилетняя девчонка. Но душой ты можешь быть молода, а телом – уже не очень.

Так что следующим утром у яги начало стрелять в ухе, к полудню запершило в горле, а к вечеру поднялся неудержимый кашель. И сварила бы себе она лекарственное зелье, да одолел ее жар и застил всякое понимание. Лежит яга на полатях, все тело сотрясает дрожь, и кашляет так, что избушке становится страшно.

От страха вспотела избушка и покрылось вся снаружи и изнутри бледно-желтой смолой. И дрова смолой покрылись, и шайки, и ушаты. Как только дрова покрылись смолой, так выросли у них крепкие ноги-сучья и начали дрова сами собой в устье печки бросаться. И у ушат выросли ноги, и погнали ушата к реке, и нырнули в полынью, и выбрались с помощью коромысла обратно, и вылили воду в котлы, а котлы поставили на плиту, так что вода зашумела, забулькала, закипела.

– А ну, вставай, – кудахчет повелительно избушка, – скидавай одежду, иди на кухонную половину, парить тебя буду!

В кухне уже на полу чистое полотно постелено, на лавке

ушаты с водой стоят, такой горячей, что едва вытерпеть можно, а от котлов, что на плите стоят, пар клубами поднимается.

Совсем не может шевелиться яга, еле с полатей сползла, кой-как скинула фуфайку, юбку да рубашку и, опираясь на метлу, дотащилась до ушатов. А избушка снова потеет-старается, теперь янтарной лечебной смолой и по всей кухне стоит хвойный крепкий дух. Веник банный с крючка сорвался, на котором прежде тих-мирно висел, и принялся ягу хвостать. А печка старается, поддает пару, а смола духмянится, и еще в углу в крынке горячее молоко с медом да шалфеем само собой деревянной ложкой замешивается.

Выпарилась яга, полную крынку молока выпила, оделась в чистую рубаху и обратно на полати забралась. И заснула сном богатырским. Полтора суток спала яга, а после проснулась бойкая и здоровая.

Правда, кататься по льду на избушке не перестала. Завела только моду и зимой и летом ходить повсюду в наглухо застегнутой кацавейке на заячьем меху. На всякий случай.

На паркете

Иной раз к бабе-яге заглядывали неожиданные гости. Вот как-то по осени заглянул Кощей Бессмертный (и что он делал в нашей глухомани, ума не приложу) и принялся соловьем разливаться о превосходстве французских мадам над русскими бабами.

– О чем, – говорит, – здесь, в России, можно с бабой поговорить? Ну, разве что о щах. А в чудном городе Париже в раздушенном будуаре сидят прелестные маркизы и графини, и с ними, хочешь, – о Корнеле, хочешь, – о нежной страсти, хочешь, – о новейших открытиях в астрономии спокойно беседу вести можно. Такие они разумницы!

Баба-яга покряхтывает, но сдерживается – политес соблюдает.

– Да к тому же они и прелестницы, каких нигде больше не сыскать! Ножка маленькая-маленькая, узенькая, в шелковую туфельку облаченная, стройненькая! Совсем не как у наших бабищ торчит толстая голяшка над лаптем, а то и без лаптя широченная грязная ножища из-под сарафана выглядывает.

Баба-яга косится на свои ноги, в аккуратные чуньки обутые, и зачем-то начинает одергивать юбку.

– А какие искусницы в амурных делах! Ты только представь себе, придумали специальный язык вееров, чтобы с кавалерами общаться. И умеют же изобретательно мушку на лице приклеить, какая – на щечку, какая – над верхней губой, какая – в ложбинку на груди, так что без слов все понятно.

Тут баба-яга не стерпела. Схватила с полки корчагу с сушеными мухами, которых для разных надобностей колдовских держала, и говорит Кощею:

– Ну дак муху прилепить это и мы могем. Хошь на лоб, хошь на нос, а хошь – на пятку. Крепко прилепим, не отвалится!

В общем, осрамилась перед важным гостем.

Тут бы, кажется, и сказке конец, да той же зимой Кощей опять в Париже побывал. И сильно восхищался одной прелестной маркизой. И платье адриенн самых модных цветов она с таким изяществом носила, и башмачки у нее на ножках были невероятно узенькие, и о новых пьесах Комеди Франсез она с таким пониманием рассуждала, и романсы пела высоким приятным голосом, и в карты играла, и флиртовала отменно. В общем, прелесть, а не маркиза! Разогнался както Кощей за ней поухаживать, и только ей свою любовь галантными словами в картинах представил, как взглянула она на него с усмешкой и зубом цыкнула. И тут Кощею что-то показалось. Да не может быть! Нет, точно показалось!

Долгожданные приключения

У избушки сердце замирало, когда она мечтала о дальних странах и дивных приключениях. А у бабы-яги сердце замирало, когда она изобретала новое зелье. Поэтому с раннего утра уходила бабка в лес собирать травы, пока не пала первая роса. А избушка оставалась сторожить хозяйство, и в общем это ей удавалось. Удавалось, главным образом, потому что никто на хозяйство не посягал. Разве что иногда прискакивали белки или прибегали бурундуки и пытались украсть орехи, которые висели прямо за входной дверью у притолоки в холщовом мешке. Избушка чуток погромыхивала ухватом, и звери утекали обратно в лес.

Но однажды утром, когда избушка, одна-одинешенька, мирно подремывала на раннем, еще не жарком, а приятном, солнышке, к ней подошел разбойный человек. Это избушка сразу поняла, потому что он грохнул огромным кулачищем по ее сонной двери и гаркнул:

– А ну, ведьма старая, выходи! Ответ держать будешь!

Не дождавшись ответа, он засунул в дверную щель острие топора и налег со всей силы. Дверь тут же распахнулась, ибо была не заперта – от кого запираться-то в лесной глуши? Лешие да медведи ягу уважали, прочие – побаивались. Разбойный человек охнул и всем задом грохнулся на крыльцо. Дос-

ки жалобно скрипнули, а изба окончательно проснулась и малость испугалась, не понимая, что делать.

Между тем разбойный человек зашел внутрь и принялся шарить по всем углам. При этом он отчетливо думал черные мысли о том, как разорит ведьминское гнездо, добудет сокровища, а всю эту рухлядь пожжет вместе с избой. Из сокровищ у яги в тот момент имелись три стеклянные голубые бусины, которые она на шелковом шнурке повесила на грудь, да с десяток вышитых рушников, которыми снабжала ее добрая, но не слишком умная поповна, не понимавшая, что ей не с руки якшаться с нечистью.

Так что разбойный человек ничего стоящего (по его мнению) не нашел, со злости собрал все пузырьки, вытащил их из избы, грохнул оземь и принялся топтать ножищами. Все, как есть, склянки разбил, аспид! Только избушка надумала дать ему под зад когтистой лапой и прогнать пинками вон, как от разбитых пузырьков стал подниматься густо-зеленый приятно пахнущий дым и окутал все вокруг. Вскоре дым развеялся, но только злоумышленника на поляне больше не было, а торчал вместо него какой-то голый сухой чурбан.

Тут и баба-яга вернулась с травами. Выслушала избушкино взволнованное квохтание и очень огорчилась. Во-первых, жалко ей было склянок, потому что их теперь придется покупать на базаре, а денег яга копить не умела. Во-вторых, по-

нимала старуха, что ни в жизнь она не сможет повторить состав того дивного зелья, которое разбойного человека в чурбан обратило.

Но погоревала не долго. Делом надо заниматься – сигнализацию совиную вокруг поляны заводить, оберегать верную избушку и хитрые снадобья от новых приключений.

Сливки

Что за боярыни заглядывали в старые времена к бабе-яге! Лицом белые, статью дородные, идут, что утицы плывут, с ними в сопровождении всегда брат в шапочке, куньим мехом отороченной, хлыстом пощелкивает да сенная девка. Поклонятся, бывало, в ноги со своей просьбой, и с перстов длинных драгоценные кольца снимают, почтительно старухе из рук в руки передают. А сейчас что?

Сидит перед ягой барынька, тонкая, как ивовый прутик, зато платье на ней колесом. Грудь голая выставлена, едва косынкой прикрыта – страм один. И вертится вокруг барыньки молодой щеголь с перетянутой талией – секретарь называется. Барынька к яге не подходит, брезгует, значит. Щеголю на ухо пошепчет, а тот уж все ведьме передает. Да и шепчет-то на языке, который прежде немецким назвали, а теперь франсе зовут. Думает, яга не понимает. Думает, яга только то, что на русском ей секретарь говорит, разумеет. Да не на такую напали! Все старуха смекает, все соображает. Соображает, что беда у барыньки обычная – муж ее не любит и по чужим амантам бегает. Соображает, что можно бы и помочь, а с другой стороны, тянет ягу сыграть шутку и над барынькой, и над мужем ее разлюбезным.

– Что ж, -говорит яга, – могу помочь я твоему горю. Вот тебе пузырек с каплями. Каждый день выпивай перед зав-

траком три капли, разведенные в стакане неснятых сливок. А еще придерживайся особой диеты. И вернется к тебе муж, еще в ногах валяться будет. – А диету всю секретарю в подробности пересказала, и тот ее в блокнотике карандашиком записал.

Что дальше было, того избушка сама не видела. Но баба-яга все ей поведала.

Как вернулась барынька домой, первым делом призвала к себе кухарку и велела ей отныне на завтрак печь исключительно оладьи, пироги и – тут секретарь сверился с книжицей – сдобные гречишники.

– Да яиц с маслом не жалей! – прикрикнул он на кухарку. И кофий черный барынька пить перестала, а исключительно со сливками. И мясо утиное да гусиное полюбила. И заморский овощ – картошку – наворачивать стала. И за столом салаты разные овощные не уксусом да прованским маслом поливать стала, а подкладывала к ним ложку самой густой сметаны.

В общем, в скором времени почувствовала барыня, что корсет уже так туго не затянешь, как прежде, а потом и грудь у нее налилась, зад вырос, бедра раздались, в походке появилась плавность, а в движениях какая-то кошачья повадка. На балах щеголи вокруг нее вьются, адъютанты букеты за ней носят, заслуженные генералы комплименты говорят, да-

же министры за корсаж украдкой поглядывают и улыбаются масляно. Весело барыне на балах!

А вот мужу ее невесело. Вроде умом он понимает, что в галантный век полагается ему не страдать, а радоваться успехам жены на амурном поприще, только он что-то не радуется.

И случилось, как предсказывала баба-яга: после одного из приемов в женином будуаре пал он перед ней на колени и взмолился:

– Пожалей ты меня!

– А что такое? – удивляется барынька.– Чем ты, мон ами, не доволен?

– Да перестань ты, – начал было муж, но слова в горле у него застряли и как-то само собой вымолвилось, – Да перестань ты уже полнеть!

И барынька засмеялась.

А закончилось все вполне себе мирно. Нарожала барынька ораву ребятишек, и все они выросли дородные да румяные. Во всяком случае, так баба-яга избушке рассказывала. А зачем ей врать? Врать ей и вовсе не за чем.

Эта самая любовь

Конечно, не всегда бабе-яге все удавалось. Случались и грустные происшествия. Вот, например, забежала к ней местная девчонка за приворотным зельем. Сидит, слезы глотает, рассказывает, как люб ей сын мельника Михаил, а у него невеста есть – конопатая Авдотья из соседнего села, дочь местного старосты.

– А уж какой он красивый, – всхлипывает глупая девчонка, – волос черный кольцами завивается, глаза карие ласковые, плечи широкие. Как он танцует с вывертом на гулянках, как соловьем разливается на вечерках!

Ну, чем ей поможет баба-яга? Приворотное зелье у нее, конечно, есть. Но предназначено оно исключительно для боярских женок-дур, которых старуха завсегда объегорить рада. А настоящего, чтобы сердце смягчило, и душу к душе преклонило – нет его у яги, да и быть не может. Не подвластны настоящие чувства травкам луговым да болотным. Только мороки лживые умеют эти снадобья наводить.

Объясняет это девке баба-яга, а та не верит. Думает, ведьма нарочно над ней куражится или цену заламывает. В общем, ушла обиженная.

Избушка тоже пригорюнилась. Квохчет: "Почто обидела девку? Не будет ей теперь ни сна, ни покоя. Пойдет она поутру к омуту, да и объявится потом у водяного новая прием-

ная дочка – слезливая водяница".

– По-моему, все по-другому станется. – Ворчливо возражает старуха. – Даже если б и влюбился в нее мельников сын, добра от этого никому бы не было. Не пошел бы он против отцовой воли, все равно женился бы на конопатой Авдотье и тоже весь век страдал. А с девчонкой ничего худого не случится. Погорюет, да и перестанет. Сыщет ей мать на селе какого-нибудь годящего парня, вот, хоть Василья или Семена, нарожает она ему ребятишек, к сорока годам станет бабкой, а коли доживет до пятидесяти, залезет на печь да и будет там дни пролеживать, на родных ругаться, что нет у них почтения к старости.

Так по-яговьиному все и вышло. Только избушке отчего-то казалось, будто история стала еще грустнее. Уж лучше бы у водяного появилась новая приемная дочка.

Липовые куколки

Ножи в последнее время хороши стали. Лезвия острые, рукоятки удобные – так и тянет их в дело пустить. А какие дела у яги с ножами могут быть? Корешок какой из земли аккуратно извлечь, лук зеленый для тюри пошинковать, да мягкую горбушку свежего хлеба срезать – вот и всё. Разве что выучиться резать из дерева потешные игрушки? Велела старуха лешим заготовить удобных липовых чурбачков, и принялась те чурбачки строгать-портить.

Первое время старалась бабка вырезать ложки. Смех получался, а не ложки – кривые, косоротые уродцы, как на подбор. Избушка исподтишка хихикала. Потом яга пробовала всякую лесную животину изобразить. На удивление, получилось лучше. Заяц, почти как живой, только левое ухо отчего-то вперед загнулось. Наловчившись на зверях, яга затеяла делать человечков. Долго мучилась, но, наконец, вышла у нее женщина – просто загляденье, прям, совсем настоящая.

– А бабе одной скучно. Мужика надо бабе, – сурьезно сказала яга избушке и следующую неделю вырезала уже мужика, которого легко было признать по широким плечам и кривоватым ногам, а больше ничем он от куколки-женщины не отличался.

Весенней ночью лежали липовые куколки на столе, и снизошло на избушку вдохновение. Наполнилась она ночным звездным воздухом, мечтами и сказками наполнилась она и вдохнула в куколок жизнь. Дрогнули деревянные тела, задышали, задвигались.

Утром яга встала, а куколки сидят на столе, смотрят друг на друга деревянными глазами и держатся за руки. Обрадовалась яга и стала им из лоскутков одежду кроить. Только те не хотят одежду, не даются одеваться, знаками показывают, что не по нраву им. Так голенькими и остались.

Мужчина и женщина получились забавные и длинными осенними вечерами развлекали и ягу, и избушку. Правда, говорить они не умели, только смотрели жалостно и руками старались изъясниться со своими создательницами. Впрочем, это нисколько не мешало бабе-яге, которая думала, что прекрасно их понимает. А еще куколки очень любили танцевать, и при свете лучины им вторили две длинные тонкие тени на стене. Ночью куколки спали, обнявшись, на лавке, покрытой полосатым ковром.

Есть куколки ничего не ели, и пить не пили, питаясь, как говорила ученая старуха, солнечным светом и воздухом, как питаются все деревья. Большое они развлечение доставляли избушке и ее обитательнице.

А однажды зимним утром не проснулись. Яга горевала, и долго деревянные тельца, постепенно рассыхаясь и покры-

ваясь трещинами, валялись на лавке, пока бабка не бросила их в печку, где они превратились в золу и дым.

И тут избушка призадумалась. Кто они были, эти мужчина и женщина? Хорошо ли им жилось, безъязыким и непонятым? О чем пытались они рассказать своим танцем? Не тосковали ли, не мучились ли своей подневольной жизнью?

А, может, все было не так и грустно? Может, им было довольно того, что они сидят рядом, взявшись за руки, и танцуют при свете лучины, пока две тени на стене вторят им, переплетая тонкие тела?

Наливное яблочко

Зашел как-то вечером водяной к бабе-яге в гости, принес иноземную диковину похвастаться. А диковина такая: серебряное блюдо, а к нему яблоко, будто настоящее, да только вырезанное из молочно-зеленого нефрита. Яблочко катится по кромке блюда, а само блюдо показывает, что хошь.

– Прям-таки, что хошь? – сомневается баба-яга. – А, ну-кась, пусть покажет лешего.

И точно – показывает блюдо лешего, который из кустов за бабами, малину собирающими, подглядывает, выжидает момент громким угуканьем их напугать до полусмерти.

– Так, – говорит баба-яга, – а соседку мою с черного болота показать может?

И в блюде вмиг появляется крючконосая беззубая физиономия противной-препротивной ведьмы. Склонилась она над котлом и варит в нем корешки какие-то. Никак зелье новое? Ай, любопытно! Нет, не зелье. Похлебку себе на обед варит. Ничего полезного…

– А теперь пусть покажет твое диво самого Кощея, – командует баба-яга.

Зеркало на минутку замутилось и вот кажет дивную кар-

тину: потемневшую улицу каменного города, слугу, держащего фонарь, балкон, на балконе едва заметна женская фигура, закутанная в черное кружево. Под балконом – Кощей! Как есть Кощей, в длинном плаще (чтоб мослы свои спрятать – догадалась баба-яга), в шляпе с пером (чтоб лысина не видна была, смекает старуха), в руках гитара, поет что-то, жаль, не слышно, приятным голосом или козлетоном каким. Эта картинка самая завлекательная выходит.

С тех пор повадились водяной и яга вечерами встречаться и за Кощеем подсматривать. А картинки одна другой интересней. То Кощей в пудреном парике какой-то дамочке, затянутой так, что непонятно, как дышит, в заморский прибор-мелкоскоп что-то показывает, а сам под столом ей белую ручку пожимает. То Кощей в парчовом халате лежит на пышных подушках. В правой руке у него трубка, от которой провод к медному кувшину тянется, а в левой – пышнобедрая черноглазая красавица. То Кощей по горам скачет на вороном жеребце, а через седло у него что-то, в ковер закутанное, мотыляется. В общем, насыщенную жизнь ведет бессмертный старик, аж завидно.

И, уж не знаю, сколько бы вечеров провели водяной и яга, наслаждаясь похождениями неугомонного Кощея, да только однажды появилась в блюде особо завлекательная картина. Прелестный город под яркими голубыми небесами показала диковина, и весь город прочерчен зелеными каналами. А по

каналам ходят диковинные длинные лодки с загнутыми носами. И вот сидит на скамеечке, обитой малиновым бархатом, прекрасная девица в лазоревом, шитом серебром, платье и черной полумаске, а Кощей, весь в белом, стоит перед ней на одном колене и ей на палец кольцо с рубином надевает.

У яги с водяным аж дыханье от любопытства сперло. Но тут Кощей повернулся к ним, вперился взглядом, будто увидел что-то и подмигнул. И с тех пор блюдо стало показывать только какие-то пейзажи неинтересные. В крайнем случае, дальние острова, населенные нецивилизованными дикарями. Поломалось, стало быть, заморское диво.

Пятница, тринадцатое

В лесу кто смотрит на календарь? В лесу календарь иметь и вовсе не зачем. И так понятно в лесу, когда зима, когда лето. Да и луну на небе никто не отменял – то растет месяц, то убывает, то полная луна, то новая, молодая. Все понятно в лесу без календаря.

Но вот эта история точно произошла в пятницу, тринадцатого.

Стояла себе избушка в июльский полдень, на солнышке грелась. Баба-яга к своей товарке с черного болота ушла поболтать, так избушка ничего не делала, просто себе мечтала. Как вдруг почувствовала избушка, что кто-то за ней наблюдает. Встрепенулась, всеми своими глазами вперилась в лес – никого нет. И пробрала избушку неожиданная дрожь: а вдруг это какой злоумышленник пришел с бабой-ягой счеты за неправильное зелье свести? А вдруг это ополоумевший леший с дубиной готовится все ее хозяйство в щепочки разметать? А вдруг это грозный Кощей обиделся на ягу, что та не в меру любопытна, и мстить явился?

У избушки уже зуб на зуб не попадает от страшных мыслей, все тарелки и чашки по полочкам трясутся. А хозяйка, как на зло, все не возвращается. И черные думы лезут в голову избушке. А ну как повстречала её яга по дороге беше-

ного медведя и тот заломал старуху? Или, того хуже, заплутала бабка на черном болоте, и теперь засасывает ее самая глубокая топь, а никто на помощь не приходит? Или ведьма соседская вздумала извести свою подружку-соперницу, да вместо чая и напоила ее отваром поганок?

Стоит избушка, холодным потом обливается, а ощущение, что кто-то на нее смотрит, не проходит.

– Да что ж такое! – думает изба, – что ж я так разнюнилась! Надо собраться и разобраться. – Напрягла все свои силы волшебные и еще раз поляну оглядела, особым взглядом, всепроникающим.

И видит: почти у самых ее курьих ног стоит среди травы муравей и сетчатые глаза на нее пялит. Фу ты, пропасть! Отлегло от сердца. А муравей, нисколько не смущаясь, еще минут десять глазел на избушку, потом как-то залихватски помахал ей усиками и пошел по своим делам.

Атрибут (псевдонаучное отступление)

В древние времена у каждого выдающегося персонажа был особый предмет, который он всегда зачем-то таскал с собой. Ну, там у Афины – шлем и копье, у Артемиды – лук со стрелами, у Аполлона – кифара, у Тора – молот и так далее. Может я чего и напутала, но вы же мне простите? Тем более, что мы живем не в те времена, когда образованному человеку полагалось за пять минут объяснить любую аллегорию и опознать любого античного персонажа. И слава богу. Но вот если взять не такие древние времена, и задуматься о бабе-яге… Какой предмет является атрибутом этой вредной, но порой очень даже полезной старухи? И тут недалекие люди вспомнят об избушке на курьих ножках. И будут не правы. Как избушка может быть атрибутом, если она сама по себе, без лесной ведьмы, вполне существовать может и жизни радоваться? Тогда недалекие люди вспомнят про ступу, пест и помело – вещи, без сомнения, в хозяйстве очень нужные, но уж больно тяжелые. Совсем несподручно такие вещи с собой всегда таскать. Тогда в дело вступят умные люди и скажут, что атрибутом яги является заячья кацавейка. И попадут впросак. Конечно, моя яга нигде без этого полезного предмета одежды не появляется. Но ведь это только она. Вон, товарка ее с черного болота предпочитает вязанную жилетку носить. Некоторые старухи овчинные безрукавки оченно

уважают. Которые побогаче, в душегреях на куньем меху щеголяют. В общем, каждая яга наряжается по-своему, лишь бы потеплее было.

И тут в дело вступят люди не глупые, но и не шибко умные, зато знающие.

– Нос, – важно скажут они. – Нос – вот яговьин атрибут на все времена.

И попадут в точку. Сколько бы ни было ведьм лесных, где бы они на просторах России-матушки не обретали, объединяет их одно – чрезвычайно длинный нос, который с возрастом становится все длиннее и заворачивается от того крючком, угрожающе нависая над верхней губой.

И, как всякий уважающий себя атрибут, этот нос олицетворяет главную отличительную черту всякой бабы-яги – неуемное любопытство. Все-то старуха норовит вызнать, во всякую-то она щель заберется, все правдивые и не очень байки в лесу соберет, каждое тайное знание сложит в копилку. Вдруг пригодится? И ведь пригождается! А что нос оттого растет – так то не велика беда. Не хвост же!

Зеркало

Сейчас кривое зеркало можно встретить только в комнате смеха или в примерочной кабинке магазина женской одежды. А в прежние времена все зеркала были кривыми. Не такими кривыми, конечно, как покрытая рябью поверхность ушата с водой или полированный медный щит, в который, бывало, созерцала свою божественную красоту Венера, но все-таки правдивой картинки от таких зеркал ждать не стоило. А так хотелось!

Поэтому-то баба-яга и растаяла, когда галантный водяной поднес ей в ночь на Васильев день дорогой подарок – настоящее прямое зеркало. Взглянула в него бабка и видит: отражается в нем без всякой фальши в меру лохматая в меру морщинистая и не в меру длинноносая физиономия. Настоящая ведьма. Вот только глаза у той ведьмы словно с другого лица украдены – молодые, блестящие, ярко-синие. В общем, всю правду кажет волшебное стекло.

И тут яга задумалась о коммерции. Это сколько же серебряных рублевиков можно будет набрать, если боярским да купеческим женкам давать в это зеркало посмотреться! Размечталась старуха. В мыслях уже и шаль себе индийскую купила, и ступку медную для перетирания трав, и даже настоящие аптекарские пузырьки под снадобья. Да только ничего

из ее затеи не вышло.

А все дело в том, что каждая женщина в уме имеет представление о том, какая она из себя красавица. И прежние, кривые, зеркала ее в этом заблуждении поддерживали. А тут увидит боярышня или купчиха свое истинное изображение, и сразу ей обида и поношение. Потому что каждый прыщик, каждая морщинка, каждый седой волос как на ладони видны. Там оспина лилейную щеку портит, здесь нос на сторону смотрит, у которой барышни преуродливая родинка прямо посередь лба торчит. В общем, осерчали бабы на ягу. Слух пустили, что злобная старуха нарочно им чудовищ всяких в волшебном стекле показывает, чтобы надсмехаться над честными женщинами.

Пришлось бабе-яге запрятать зеркало подальше. Правда-то, она, оказывается, не нужна никому.

Детективная история

Как-то пошла баба-яга в торговое село на ярмарку – обновить запас пряников да ленту себе прикупить, красную, яркую. Хозяйство все на избушку оставила. Та не волнуется – дело привычное, нередко старуха уходит на целый день то за травами колдовскими, то к соседке на Черное болото в гости, то, как сегодня, по базару погулять, людей поглядеть, себя показать. Так что избушке не впервой сторожем оставаться.

А день такой хороший стоит, теплый, духмяный. Избушка и замечталась. А, замечтавшись, незаметно и задремала. Проснулась уже к полднику, встрепенулась и на всякий случай давай имущество пересчитывать. Кузовки, склянки, травки сушеные, зелья вареные, ступа, помело… Ахти! Помела-то и нету.

Пересчитала еще раз – нету, и все тут. Баба-яга – старуха аккуратная, у ней помело всегда рядом со ступой стояло, прислоненное к крылечку. Значит, пока избушка дремала, кто-то пришел и помело – вещь ценную, волшебную, необходимую – украл.

Избушка принюхалась – не пахнет ли человечьим духом, ибо человек – существо, более всего для воровства гожее. На удивление, не пахнет. Избушка прошлась кругом по полянке, следы изучая. И обнаружила массу следов. У сосны бок ободран свежими когтями – медведь проходил. Клевер

на полянке сбоку общипан – зайцы проскакали. Свежей малины лукошко у крыльца стоит – влюбленный леший забегал. Лужица в кустах со стороны озера осталась – водяной наведывался. Зеленый волос в колючем шиповнике застрял – шишига заглядывала.

Зайцев избушка сразу отмела, как несерьезных подозреваемых. Медведя, подумав, тоже подозревать не стала. Медведь зверь солидный, уважительный – на что ему помело?

А вот шишига, особа востроносая и хитрая, подозрительна показалась избушке. И кинулась избушка по ее запаху. Нашла в осиновой рощице, где нечисть сидела на пне и полдничала: отправляла в рот один за другим сырые мухоморы.

– Ты что это, – сурово приступила к ней избушка, – по чужим дворам шастать стала да чужие вещи таскать?

– Ничего не знаю, – пищит шишига, – А что, пропало, что ли, что?

– Помело у бабы-яги кто-то утащил, – не таит избушка.

А шишига вдруг принялась хихикать. Отхихикала да и советует избушке:

– Ты сходи-ка, в озеро глянь!

На водяного, что ль, намекает?

Ну, сначала надо лешего проведать: он и живет поближе,

и по влюбленной дурости мог помело на память прихватить. Леший нашелся у мелкого болотца, где он обучал лягушек приятную песню по вечерам для бабы-яги петь. И никакого помела при нем не было. А – известное дело – если б леший чего скрал, он бы по скудоумию своему не догадался вещь припрятать, а так бы и таскал с собой. Для порядку все ж таки спросила и его избушка, не видал ли он где помела. А леший заугукал, замотылялся от хохота и советует ей сходить в озеро посмотреть.

Ну, точно, водяной помело увел.

Кинулась избушка к озеру и грозным голосом принялась водяного царя выкликать. Тот появился не сразу, а для удовольствия сначала обдал избушку фонтаном мелких брызг, так что она расчихалась. Отчихавшись, избушка прямо приступила к делу:

– Отдавай помело, разбойник склизкий! На что оно тебе?

Водяной так и сел от смеха. А потом говорит:

– Избушка-избушка! Полдня ты по лесу помело ищешь, а уж все знают, где оно.

– Где?

– Глянь-ко в озеро.

Избушка ничего не поняла, но послушно заклянула в озеро. Ничего особенного там не увидела – вода как вода, и отражается в этой воде она, избушка, во всей красе. Ой! А что

это за стреху над крыльцом засунуто? Что это торчит у ней из головы, такое знакомое и мохнатое?

И разом припомнила избушка, как утром яга воткнула ей в крышу помело, чтоб просушилось, как следует.

Вот стыд-то!

И как теперь она в глаза бабе-яге посмотрит? Хитрая старуха уже наверняка все знает от птиц пролетных… Опечалилась избушка. А зря! Яга не стала над ней смеяться. Так только, похлопала любовно по дверному косяку и сказала:

– Сыщица ты моя.

Мелкие неприятности

Как-то случился особо хлопотный день у бабы-яги. Шибко устала она и через эту громадную усталость спала беспокойно. Поэтому решила для успокоения сделать себе отвар мяты и душицы, да еще и сдобрила его донниковым медом. Решила – сделала, да и поставила у открытого окна остывать. А сама прикорнула. Проснулась от того, что избушка квохчет озабоченно. Кинулась яга на кухню, а там вокруг котла сидит стайка маленьких человечков и из наперстка по кругу пьет ее душистый отвар.

– Вы кто такие? – хотела было вскричать возмущенно старуха. Но от возмущения голос у нее сел, и она только просипела что-то неопределенное.

А маленькие человечки все хором галдят в ответ:

– Маскарфушки мы. Мы маскарфушки. Теперь у вас жить будем. Оченно нам у вас нравится.

И такими шумными и шаловливыми оказались эти маскарфушки, что в какой-то час перевернули все в избушке вверх дном: все склянки на полках переставили, все метки на пучках травы перевесили, а под конец собрались кучкой, подняли крышку сундука, вытащили любимый яговьин пла-

ток, расстелили по полу и принялись на нем танцевать. Танцуют и припевают:

– Весело живем! Мяту с медом пьем!

Избушка при мысли, что теперь всю жизнь с этими маскарфушками жить придется, пригорюнилась. Баба-яга принялась в голове перебирать зелья для борьбы с насекомыми и прочими паразитами. А человечки, натанцевавшись, упали на платок и захрапели. Старуха же с избушкой всю ночь не сомкнули глаз.

На утро проснулись маскарфушки все разом, тихие и смиренные. Поклонились яге в пол и сказали хором:

– Ты прости нас бабушка, что мы у тебя такой раззор учинили. Это все мята проклятая, не дает нам жить спокойно. – Навели в избушке порядок, еще раз поклонились и ушли восвояси.

С тех пор баба-яга такой отвар готовить остерегалась. А если и заварит себе чайку с мятой, то выпивала его скорехонько-скорехонько.

Конец сказки

Как ни тяни рассказчик волшебную историю, как ни умоляй его заинтересованные слушатели, а все равно рано или поздно каждой сказке приходит конец.

– Вот в этом, – поучала яга избушку, неумеренно любившую сказки, – и заключается главная сказочная ложь. Потому что в настоящей жизни ничто не кончается. Все только постоянно превращается во что-то другое. От съеденного яблока остается семечко, оно падает в землю и выпускает росток, росток стремится к солнцу и становится деревом, которое приносит много-много новых яблок, потом стареет, его срубают и пускают на дрова. На недолгое время вспыхнет огонь, а потом появится зола, которую добрая хозяйка соберет и высыплет на огороде, чтобы репа с капустой хорошо уродились. А на оставшемся в лесу трухлявом пеньке вырастут грибы, которые соберут ловкие белки и накормят молодых, а от того еще глупых бельчат.

И так происходит ежечасно со всем-всем-всем в мире. А в сказках твоих расскажут одну коротенькую историю, и так закончат: "И стали они жить-поживать да добра наживать". Как будто больше в их жизни ничего интересного не случалось. В общем, врут всё.

Избушка умом понимала, что старуха говорит разумные

вещи, но своей неуемной любви к сказкам укротить не хотела. Самая же любимая сказка у нее была – "Гуси-лебеди". Потому что в ней рассказывалось о доброй бабе-яге, у которой на крыльце хорошенький Ивашечка спелыми яблоками играл. Но избушке тоже не нравилось, что у сказок бывает конец. Ей хотелось бы, чтобы дивные истории длились долго-долго, повествуя о все новых волшебных событиях и занимательных героях. Но таких сказок избушка не знала. У всех у них обязательно был конец. А зря!

Летучий корабль

Весной это было. Весной, когда возвращаются с юга птичьи стаи. Стояла избушка, дверь раззявя, и смотрела, как пролетают высоко-высоко гуси-лебеди. А баба-яга на поляне выбивала пыль из половиков, развесив их на таком удобном чурбане. Потому что даже бабам-ёгам иногда надоедает, что в доме стоит пыль столбом, и приходит в голову заняться, наконец, генеральной уборкой.

У избушки крепко щемило сердце – так хотелось подняться над землей и улететь вслед за птицами. Всей душой тянулась она к тонкой ниточке в небе, и та словно ее услышала – от стаи отделилась точка и начала снижаться, вот уже видны очертания, вот уже белый лебедь кружит над самой крышей, призывно крича, вот взмывает он обратно в глубокое синее небо, и легкое перышко из крыла опускается на крышу избушки. Хочет избушка вздохнуть – а не может. Сперло дыханье у избушки, и рождается неодолимое желание немедленно бежать на реку смочить курьи лапки ледяной водой. Крепится избушка, понимает, что не к лицу ей такие выкрутасы, а мочи нет. Вот и рванула изба к берегу.

– Куда ты! Стой, скаженная! – Кричит баба-яга, но все напрасно: избушка улепетывает со всех курьих лап. Бросила старуха половики, подхватила юбку обеими руками и рванула вслед за избой. Смотрит: а та уже по самый порожек

в воде бултыхается, и происходит с ней что-то странное – волшебное что-то происходит с избой. Бока ее выгибаются, вытягиваются и превращаются в продолговатый остов; курьи лапы сдвигаются по сторонам и обращаются в сизые, словно голубиные, перья; крыша встала дыбом, истончилась … не крыша это больше, а белые паруса. Миг – и нет избушки, а плывет по реке красавец корабль.

Баба-яга не долго думала – прыгнула на палубу, а корабль несется на всех парусах по водной глади, набирает скорость, скользит уже по самой поверхности, вот уже и над поверхностью скользит, вот уже летит, вот уже над самыми высокими деревьями поднялся – сбылась избушкина мечта, и все нутро у нее поет. И тут баба-яга заплакала. В первый раз заплакала с тех пор, как с избой повстречалась. Текут соленые обильные слезы по ее морщинистому лицу, а на лице сияет улыбка. Случаются еще на свете чудеса, которые не зелья колдовские да не заклинанья ведьминские сплетают. Случаются самые настоящие, взаправдашные чудеса, чистые, как весеннее небо!

Понимает это баба-яга, и словно пузырь раздувается у нее в душе, пузырь одновременно боли и радости. Закрыла старуха лицо руками и зарыдала в голос. Вдруг слышит – летучий корабль что-то напевает ей приветное. Отняла ладони от лица – а ей ушат воды под самый нос подставлен, и отражается в том ушате не крючконосая старая карга. Прежняя смуглолицая девушка отражается в нем. Нос, правда, длин-

новат. Но вполне себе можно жить с таким носом. Скинула Аленка душную кацавейку, подоткнула юбку, так что стали видны стройные колени, да и встала у штурвала.

Тут и кончается подлинная история избушки на курьих ножках и начинается… Что-то новое начинается, ребята. Неизведанное что-то.

Часть вторая
Первое путешествие

Прощальный взгляд на покинутый лес

Летучий корабль летел все дальше, Аленка стояла у штурвала и назад не оборачивалась. Корабль тоже вниз не глядел, всем своим новым стройным телом отдаваясь полету.

Не кажется ли это тебе несправедливым, любезный читатель? Все-таки не день, не два, да даже и не сто лет, а без малого двести лет провела бывшая баба-яга тут. Пользовала лесных жителей, собирала травы, ссорилась с соседкой с Черного болота, ягой, кстати сказать, куда более старой и правильной. А теперь вот улетает, не оглянувшись. Улетает и не видит, что вслед ей тянутся, словно тонкие нити, слишком тонкие, чтобы удержат, взгляды от сотоварищей.

Вот группа леших, опершись на дубины, грустно качает головами. Где еще найдешь такую медовую водицу с донником и липовым цветом, какой их яга от всяких болезней потчевала? – если внутрь ее принять, пропадает грусть-тоска, ноги сами в пляс идут; если намазать рану, враз затянется; если по весне полить ею макушку, зазеленеешь весь и слов-

но омолодишься. Рядом с лешими сидит грустный медведь – хоть и животина бездушная, а тоже тоскует. Сколько заноз ему яга из лап повытаскивала, и не сосчитать.

Водяной в окружении водяниц и водянчат машет вслед Аленке полупрозрачной рукой. Хорошая была яга, бескорыстная. Не за рубли и жемчуг старалась, а по доброму соседству.

Шишиги да кикиморы, те просто навзрыд рыдают. Не к кому больше прийти вечером, чаю попить, пряником закусить, о новостях потолковать.

И даже древняя злая яга с Черного болота не радуется, что ей новая клиентура подвалит.

– Ишь ведь, – шепчет она узким ртом, в глубине которого сверкает железный зуб. – Баба-яга она была фальшивая, а колдунья оказалась настоящая. Ну, что ж, добрый путь!

И все, провожая взглядами летучий корабль, дружно повторяют: "В добрый путь!"

Навигация

Летит, стало быть, летучий корабль на всех парусах. Хотя почему корабль? Избушка крылья и паруса себе, конечно, отрастила, но пола не меняла. А пол у нее самый распрекрасный – женский пол. Что же делать? А, поняла…

Летит, стало быть, летучая ладья на всех парусах и думает себе, что она летать умеет. Но закавыка в том, что летать-то она пока умеет только прямо. Время же для полетов стоит самое опасное – весна, пора птичьих перелетов. А птицы – народ упрямый. У них как настроен навигатор на сторону нужную, так они и летят, каждый год одним маршрутом. И менять его не намерены. И в сторону сворачивать перед летучей ладьей – тоже.

Но Аленке и тут повезло. Наткнулась она сразу же не на каких-нибудь щипачих гусей или галдящих скворцов. Наткнулась она на аистов, птиц миролюбивых и солидных. Вожак облетел ладью, дивясь на такую невидаль, и ворчливо сказал:

– А стоп задний ход ты давать, что, не умеешь?

–Нет, – чистосердечно призналась ладья.

– А полрумба налево? – продолжал аист, который лето проводил на северных морях и был большой знаток корабельного дела.

– Что такое полрумба? – смутясь, прошептала ладья.

Аленка тоже ничего не понимала, кроме того, что нарвалась на знающую птицу, поэтому вежливо сказала:

– Уважаемый аист, может, научите нас, что такое "полрумба"?

– Вот еще, времени и так в обрез – зима подступает. А вот, что я тебе скажу, девка, нужна тебе навигацкая школа.

– Где ж я найду такую?

– А в городе Питере. Только деньгами запасись, потому что не зря говорят: "Хорош город Питер, да все бока вытер".

– Спасибо, уважаемый аист, за науку, – поклонилась в пояс Аленка, – может, заодно подскажете, куда лететь?

– Да тут все прямо, не сворачивая. За день доберетесь.

Якорный, маячный, канальный

Аленка не дура была, чтоб прямо так, с бухты барахты на столицу России стрелой сверху падать. Вот она я, а вот и моя летучая ладья, здрасьте вам. Небось их обеих сразу тогда в Кунсткамеру наладят. Про Кунсткамеру Аленка знала от боярских женок-дур, которые по франсе говорить научились, а все равно к ней в лес на поклон бегали.

Так что Аленка опустила ладью на воды широкой Невы и по ним уже добралась до самого порта. А там их уже встречает ялик и какие-то знаки подает. С трудом ладья сообразила, что надо плыть за яликом след в след. Ну, и добрались благополучно до причала. Только якорь бросили, а на корабль уже делегация заявилась. Все в мундирах, все важные чиновники. Один санитарный досмотр учинил – смотрит, нет ли на ладье заразы какой. Другой ищет контрабандные товары, чулки там шелковые и духи французские. Третий требует капитана. Понятное дело, Аленка им не годится, да еще и поминают что-то про "бабу на корабле". Ну, да глаза отвести недалекому служащему – не трудное дело. И вот уже он уважительно пожимает руку Аленке и начинает выписывать квитанции.

А там! Якорный сбор, канальный сбор, маячный сбор, лоцманский сбор… Аленка половины слов не понимает, а только набралось этих сборов на 187 рублей серебром, и вне-

сти их надо в кассу порта до завтрашнего полудня.

Как ушла делегация, села Аленка думу думать. У ней серебра пока хватает, но если так дело пойдет – надолго не хватит. Думала-думала Аленка да и придумала. Было у нее зелье одно – волосы на плеши растить. Она его почечуй-травой сдобрила, фосфору ложку туда добавила. Потом взяла герань – у ней герань в горшке на окне стояла, подарок одной поповны, – выдрала куст из земли, а наместо куста положила серебряную монетку. И что бы вы думали? Наутро растет в горшке кудрявое дерево, все заместо листьев увешанное серебряными рублями. Хватит теперь расплатиться с властями, и на жизнь в хорошем городе Питере хватит.

Только я вот что вам, ребята, по секрету скажу. Вырастить так можно только настоящие золотые или серебряные монеты. А если тот же фокус с ассигнациями проделать, то дерево вырастет. Но вместо листьев на нем будут расти страницы Уголовного Кодекса. Вот такое волшебство.

Пачпорт

Аленка в порту потолкалась, знаний поднабралась, вернулась к ладье и села готовиться. Перво-наперво состригла свои русые косы, потому как очень неудобно перекидываться в парня, если у тебя косы. Потом взяла сундучок, набила всякой мужской одеждой, какую загодя купила, в основном, бельем, подштанниками да фуфайками, потому как форму выдадут. Денег взяла, да уже не серебром, а ассигнациями – поменяла серебро в Государственном банке. Осталось дело за малым – надо пачпорт себе сделать.

И тут Аленку взял страх. Пачпорт – документ важный. Сработать его, конечно, можно – не велика наука, но все же это преступление получается. Совестно Аленке на такое дело идти. Ну, да ладья тоже не зря в порту стояла, наболталась с портовыми крысами да чайками вдосталь.

– Ты чего, – шепчет Аленке, – разнюнилась? Это же не честная деревня, это город Питер. Тут почитай каждый третий с подложными документами ходит. Кто ордена фальшивые носит, кто рекомендательные письма подделывает. Сидит какая барыня расфуфыренная в театре, всем говорит, что она итальянская графиня, а сама-то, тьфу, даже выговорить стыдно, кто такая! Да ты, Аленка, их всех в сто раз чище будешь. Делай пачпорт, не бойся.

Ну, сделала Аленка пачпорт. Сделала еще письмо проси-

тельное, от опекунов вроде. "Сиротой уж я была, – вздохнула Аленка, – знать, и здесь придется сиротой остаться".

Договорилась с избушкой, как ей знания полученные будет передавать. Не то, чтобы очень сложное это дело, но и не простое. Вода, она ведь во всей почве, во всякой земле присутствует. Стало быть нашепчет Аленка на воду навигацкие секреты, да и выльет ту воду во дворике. А вода уже свои ходом до Невы-реки весть донесет, а там и до летучей ладьи.

Тяжело в учении

Ох, и тяжело Аленке пришлось в этом самом Морском Кадетском корпусе! Оказалось, что попасть туда – дело плевое, а вот выучиться! По правде сказать, Аленку, может быть и вытурили бы со второго месяца, да пошла она непросто на обучение, а на свой кошт, то есть платила за год аж целых 850 рублей ассигнациями. А потом уже стала показывать такие успехи в астрономии и химии, что учителя полюбили незадачливого кадета и стали помогать ему в особо неподдающемся предмете – математике. Да и Аленка приналегла, все вечера с книгой сидела. Очень уж ей надо было морскую науку превзойти!

Друзей вот только она себе не завела. И то сказать – как двухсотлетняя ведьма станет дружить с юношами, в которых кровь гуляет и веселья просит? Никак это невозможно. Так что три года Аленка провела практически одна, за что и получила прозвище у одноротников "сыч". Однако сыча не обижали, потому что он был все-таки парень неплохой, всегда помогал и делом, и словом, а когда и деньгами.

Ладья тоже зря времени не теряла. Во-первых, училась всему, что Аленка через воду посылала. Во-вторых, собирала разные слухи и сплетни. И вот как-то встретила она старую облезлую судовую кошку, рассказавшую ей, что она не первый летучий корабль, который кошка эта видит. И по слу-

хам, корабли эти вылупляются из яиц, как птицы, но сами яиц не несут. "Загадка!"– сказала старая кошка. "Тоже мне загадка, – подумала ладья, – Вот оно, оказывается, в чем дело. Видно, я с самого начала должна была стать летучей ладьей, да что-то не заладилось. Хорошо хоть потом выправилось."

Так в заботах и учении прошло три года, и нелюдимый кадет, прозванный сычем, окончил корпус. Не буду врать, что с отличием, но в первую сотню попал. А аттестат ему, между прочим, подписал сам Иван Федорович Крузенштерн.

Скворец

Вообще-то ладья теперь стала ученая и могла многое без Аленки. Могла сама курс проложить, сама паруса поднять, сама якорь отдать и даже вытравить (хотя на что в воздухе якорь). В общем, знала она о судоходстве все то же, что и Аленка. Но ладья крепко стояла за порядок. Положено, чтобы у корабля капитан был, значит, и у летучей ладьи капитан быт должОн. А кто на такое дело годится лучше Аленки? Знамо дело, никто.

Кроме того, на стоянке в порту ладья узнала, что кораблю положены крысы и кошки. Крысы сами по себе приходят, а кошек заводят специально, чтобы крыс в строгости держать. Но крысы летучей ладьи забоялись. Если что, если хлобыстнется она с высоты страшенной, то все – конец крысиной жизни, и не спастись никак. К тому же на летучей ладье провианту мало – только для Аленки. Съедят крысы весь запас за неделю, а потом чем живот набивать прикажете? В общем, как ни уговаривала ладья крыс, они не согласились. Самое удивительное, что не согласились и коты. Ни один, даже самый завалящий, портовый кот не согласился сменить свое вольное морское житье на полеты. А та самая старая облезлая кошка даже философию подвела:

– Есть, ладья, такая штука – призвание. Уж ты-то понимать должна. Ты призвана летать по небу, а я – плавать по

морям.

Так что не завелось никакой живности на ладье. Об этаком непорядке она и рассказала Аленке, когда та, поздоровевшая и еще более смуглая, чем обычно, явилась с сундучком на борт после учения.

Аленка выслушала ладью, потом с трудом (потому что привыкла за три года быть парнем) перекинулась обратно в девушку и постановила:

–Крыс на моем корабле не будет. А заведем мы себе птицу, – взяла из заначки пару серебряных монет и пошла на Сенной рынок. Там купила себе скворца и заодно наложила заклятье на цыганенка, который ей в карман залез. Не мог цыганенок с той поры воровать, совсем не мог. Да и не хотел. А хотел ковать из металла разные цепочки, медальоны и всякую скань кружевную делать. В общем, стал он цыганским ювелиром. Но речь сейчас не о нем, а о скворце.

Утром, покормив скворца, приготовились Аленка и ладья его песни слушать. А он не поет. Может, думают, ему солнышка не хватает? Вынесла Аленка клетку на палубу и поставила на носу. Чайки мимо летают, дразнятся, а скворец только смотрит тоскливо. Ну, да не зря ведьма столько лет в лесу жила. Подобрала она вылетевшее из крыла скворчиное перышко, понюхала его, верхнюю губу им пощекотала и враз узнала всю его историю. Был он свободной птицей, только прилетел на Елагин остров, только собрался гнездо вить для своей любимой скворчихи, как его поймали в силок да и по-

тащили на рынок.

Отворила Аленка дверцу клетки и говорит скворцу особым голосом:

– Лети домой, да больше в силки не попадайся.

И ладья ей вторит, и ветер гудит в мачтах:

– Лети домой.

Вспорхнул скворец да и был таков.

***

В этот же вечер ладья взбунтовалась.

– Да что ж такое, – скрипели все ее доски, – раньше я не умела летать. А теперь умею, но не разрешают. Сколько можно в этом порту стоять? Хочу мир повидать! Хочу винторогого зверя индрика и горбатого верблюда повстречать! Хочу с мудрыми совами разговоры вести!

Аленке-то, конечно, тоже летать хотелось. Но было малость боязно сразу становиться капитаном, да еще капитаном без старпома, без боцмана, да и заодно без матросов. Заместо всего этого нужного народа у нее только одна летучая ладья, правда, разумная и ученая. Так ведь вот же она ведет себя неразумно, вот же она расходилась и расшумелась. И тут на Аленку что-то нашло. Выхватила она кортик, который за время учения привыкла носить на левом бедре, и вскричала громовым голосом:

– Бунт на корабле!

И ладья притихла, такой это был голос. Настоящий капитанский голос.

– Завтра снимаемся с якоря, – уже тише сказала Аленка.

Наутро пошла она в портовую контору, отвела там всем глаза, опять заплатила кучу сборов, взяла себе лоцмана и благополучно вышла в Финский залив. А там уже разогналась ладья, выпустила из бортов стосковавшиеся по полету крылья и взлетела.

– Куда курс держать будем? – спрашивает у Аленки.

– Держи курс на юг, в древнюю страну Месопотамию. Там тебе и зверь индрик, и верблюды двугорбые, а то и об одном горбе, и львы, и леопарды, и даже слоны.

Ух ты! Даже дыхание сперло у ладьи. И набирая скорость, она направилась на юг.

Призрак

Летит ладья с Аленкой над Средиземным морем. Не одна летит – с пассажиром. Старый морской орлан с северного берега моря решил посмотреть, какова жизнь на южном берегу. Угнездился на мачте вместо впередсмотрящего и, естественно, вперед смотрит.

– Корабль! – кричит. – Справа по борту еще один летучий корабль!

Аленка чуть ртом муху не словила, такая невидаль. Сколько дней они уже летают, а других таких же кораблей не видывали. Только странный это какой-то корабль – парусов не видно, крыльев тоже, только что-то мерно вздымается и опадает по бокам, будто судно дышит.

Подошли ближе, а это галера. Мачта у нее только одна, и на ней узенький парус болтается. "Для маневров", – смекает Аленка. А по бокам два ряда весел гребут. На носу же той галеры нарисованы два глаза – по одному с каждого борта. И нет на том корабле ни единой живой души. Что-то зябко стало Аленке, да и ладье поплохело. А орлан кричит надрывается:

– Полный вперед!, – раскомандовался, вишь.

Тут и Аленка крикнула:

– Полный вперед!

Миновали страшную галеру, оставили далеко за кормой,

да и вздохнули дружно.

– А вы знаете, кто это был? – спрашивает орлан, – это ж сам летучий данаец.

– Кто? – скрипит обомлевшая ладья.

Аленка, хоть и не зря античную историю в кадетском корпусе изучала, тоже шепчет удивленно:

– Кто?

– Да вот, значит, как Одиссей рассорился с Посейдоном и стал скитаться по морям, и никак не мог попасть на родной остров Итаку, причалил он как-то к берегам лотофагов. Его люди сошли на берег, и лотофаги угостили их семенами лотоса. Тогда данайцы забыли дом, родных и хотели только вечно жить с лотофагами и вкушать лотос. Одиссею, конечно, удалось увести друзей обратно, но не всех. И тогда он оставил один корабль у берега, чтобы, если оставшиеся данайцы одумаются, они могли вернуться. Однако никто не / вернулся. Долго проплывавшие мимо видели ту галеру, покинутую на берегу. А потом она исчезла. Думали – сгнила или пустили на дрова. Да только с тех пор среди летучих кораблей появилась легенда. Что ходит по небу призрачная галера, и нет у нее ни капитана, ни хозяина. А кто встретит ту галеру, тому предастся проклятье Одиссея – никогда он не вернется на родину.

Ладья затряслась от страха. Аленка же подмигнула орлану и сказала беспечно:

– А все-таки, если не изменяет мне память, Одиссей вер-

нулся на Итаку. И жена, и сын его были живы и здоровы, – и усмехнулась.

Все дело в том, любезный читатель, что орлан и ладья были суеверными и верили в проклятье. А Аленка суеверной не была, и вообще ни бога, ни черта не боялась.

В пути

Морской орлан, хоть и рвался посмотреть на южное побережье Средиземного моря, там не остался. Он заставил Аленку отдать якорь в каком-то заливе, целый день летал-охотился-играл, а потом вернулся недовольный и сказал:

– Все одно и то же. Ничего нового.

– Как ничего нового, – возмутились хором ладья и Аленка, – тут и люди другие, и обычаи.

– Рыба тут та же, – отрезал орлан. А потом философски заметил: – Что в жизни важнее рыбы?

Аленка с ладьей не нашлись, что ответить. Так и пришлось им до самой Месопотамии лететь с пассажиром на борту. Орлан летел быстро, но ладья развила такую скорость, что угнаться за ней он не мог. Поэтому время от времени требовал приземлиться и охотился на рыбу, а то и на мелких птиц. Кстати, пассажир он был не бесполезный. Знал уйму морских баек, разбирался в человеческой природе, и именно он присоветовал Аленке сделать ладью и всех ее обитателей невидимыми.

– А то народ тут необразованный. Примут еще за дэва какого-нибудь. А если и за ангела примут – никакого в том счастья нет. Потому что есть у них поверье, что перо из крыла ангела лечит все болезни и приносит великую силу своему обладателю. Общиплют и тебя, и меня, – стращал он ладью.

И Аленка решилась. Рецепт зелья невидимости она давно знала, ингредиенты на борту были, сварила, остудила и пошла борта ладьи промасливать. Мажет квачом щели между досками и болтает с орланом.

– Скажи-ка, не встречал ты где зверя индрика?

– Нет, – говорит орлан, – не встречал и не слыхал. Может, его и вовсе не существует, может, выдумки все.

– Слышала, – поддразнивает Аленка ладью, – летим мы зверя индрика посмотреть, а, может, его и вовсе нет.

– Есть, – убежденно отвечает ладья, – белый, как снег, с витым рогом, страшный в ярости, любезный в милости. А покорить его может только честная девушка.

– Ну, тогда, – говорит Аленка, – надеюсь, что я достаточно честная.

И летят они, невидимые, дальше.

Зверь индрик

Вот вы думаете, что я сейчас вам буду рассказывать, какие трудности моя компания преодолела, прежде чем нашла индрика. А все вовсе не так оказалось.

Едва приземлилась летучая ладья на мутные воды Тибра, как из прибрежных зарослей появился сам зверь индрик, точь-в-точь, как описывали: белый, аж искрится, с витым рогом во лбу, с карими любопытными глазами, а грива и хвост у него серебром отливают и струятся чуть не до самой земли.

– Ишь ты, -говорит зверь индрик, – летучий корабль. Сто лет летучих кораблей не видел. А может, двести. Да к тому же с колдуньей на борту. Здравствуй, лесная ведьма!

– Здравствуй, диковинный зверь индрик, – говорит Аленка. – Только как же это получается, что ты нас видишь? Или зелье мое выдохлось?

– Я зверь индрик, страшный в ярости, любезный в милости. Мне открыто все скрытое и ведомо все тайное. Знаю я даже, зачем ты в странствие пустилась, колдунья, хоть не рассказала ты этого даже своим верным спутникам.

Аленка закраснелась.

– Ищешь ты вечной жизни. И в этом я отчасти могу тебе помочь. Взгляни в глубь вод Тибра – видишь тот цветок?

Аленка пригляделась, и точно – алеет что-то под мутной водой.

– Покрыт стебель этого цветка страшными шипами, и кто уколется об них, непременно умрет от крепкого яда, от которого нет спасения. Но если удастся сорвать цветок, будешь вознаграждена: отвар из него дарует тебе вечную молодость. А от вечной молодости недалеко и до вечной жизни.

Аленка одежду скинула и нырнула в воду, не забоявшись даже крокодилов. Впрочем, крокодилы на Аленку нападать не стали – побоялись грозного зверя индрика. И вот плывет Аленка в глубине, плывет, видит перед собой цветок, пытается добраться до него, а не может; он словно все глубже уходит. Не хватило дыхания у Аленки, вынырнула она и дышит тяжело. Хочет еще раз попытаться, а зверь индрик ей говорит:

– Нет, колдунья, чтобы достать тот цветок, человеку дается только одна попытка в жизни. И я знаю лишь одного человека, который это сделал. То был древний царь, великий воин. Да только и ему цветок в результате не достался – положил он его на берег, и его съела проползавшая мимо змея, которая тотчас скинула кожу и омолодилась. Но и змее той не повезло – не прошло и года, как поймал ее и сожрал примерно вот такой же орлан, как тот, что кружит над твоим кораблем.

Аленка от такой долгой речи насупилась:

– Ты что ж, издеваешься, что ли? Говорил, что можешь помочь, а разве это помощь?

– Я зверь индрик, грозный в гневе, любезный в милости.

Я говорю только правду. Могу указать путь к бессмертию. Слышала ты, наверное, колдунья, о боге Озирисе, которого завистливый брат разрубил на куски и разбросал по миру, а верная жена собрала те куски, склеила, и поднялся Озирис, живой, как и прежде. Слышала ты, наверное, еще и о Персефоне прекраснорукой, которая полгода проводит в царстве мертвых, полгода – в царстве живых. Ну, да то ведь боги.

Аленка уже чуть не лопается от нетерпения, а зверь индрик продолжает свои цветистые речи.

– Так вот, известен мне только один случай, когда обычный человек вернулся из смертного плена. Ступай в Индию, найди там на берегах Ганга пасущихся бурых буйволов и расспроси их о Савитри, жене преданной и любящей.

Чуть не подпрыгнула Аленка от радости и поспешила развернуть карты судоходные, чтобы прочертить маршрут в Индию.

Орлан же почесал под крылом, посмотрел вслед зверю индрику и сказал:

– Что-то рыба в этих местах суховата. А что в жизни важнее рыбы? Слетать, что ли, с вами в Индию, посмотреть, чем там кормят?

Повесть о Савитри, жене преданной и любящей

Долго ли, коротко ли, добрались до Индии. Поднялись по Гангу, великой реке, священной реке, до заливных лугов, где паслись бурые буйволы. Орлан отправился охотиться, рыбку ловить, а Аленка спрыгнула с ладьи, снова стала видимой и пошла по пояс в воде прямо к буйволам. Буйволы опасаются, фыркают носами недовольно, а как заговорила она с ними на тайном зверином языке, помягчели и указали ей на старую буйволицу, которая была у них вожаком.

– Знаю ли я историю о Савитри и муже ее Сатьяване? Да кто же в Индии ее не знает! Была я еще молочным теленком, когда услышала ее впервые, и с тех пор слышала еще ровно восемьдесят семь раз. Если хочешь, добрая колдунья, поведаю и тебе.

– Поскорее, – умоляет Аленка, которой все эти восточные цветистые речи не по нраву, – ради всего святого, поскорее!

– Можно и поскорее. Только не пропадет ли соль истории, если мы будем торопиться? Значит, так

Жила-была царевна Савитри и настало ей время выйти замуж. И сказал древний отшельник, что суженный ее – царевич Сатьяван, муж великих достоинств, с одним лишь недостатком – ровно через год он должен умереть. Савитри так полюбился Сатьяван, что она вышла за него замуж, несмот-

ря на предсказание. Наконец, мгновенье смерти мужа приблизилось настолько, что осталось до него три дня. И тогда царевна дала строгий обет, что все эти три дня не будет есть и будет стоять неподвижно. И исполнила его.

– Так-таки три дня не емши? – изумилась Аленка.

– Да, а на исходе третьего дня, – сказала буйволица, – Сатьяван собрался в лес. И как была, не преломив даже куска хлеба, Савитри проследовала за ним, так как знала: час его кончины близок. В лесу Сатьявану стало плохо, он положил олову на колени жене и умер. Тогда-то принцесса и увидела самого бога смерти Яму; в красной одежде, с веревкой, чтобы связать и унести мертвеца, он стоял перед ней и глаза его ярко сверкали.

Но Савитри не испугалась, а вступила в спор. Много даров обещал страшный бог ей, но она упорно требовала возвращения мужа.

Буйволица прикрыла глаза, вспоминая, и прочитала наизусть:

Без мужа не надо мне хлеба и крова,
Без мужа не надо мне неба дневного!
Не надо мне дома, и поля, и сада.
Без мужа мне жизни не надо, не надо!
(Перевод С. Липкина)

И бог отпустил Сатьявана и даровал ему и Савитри, жене преданной и любящей, четыреста лет жизни и сто сыновей.

– Ух ты, – сказала Аленка, – а где его найти, этого бога

Яму?

– Ты увидишь его в свой час, когда он придет за твоей душой. Но не надейся умилостивить его, как Савитри. Насколько мне известно, это единственный случай и больше такого не было.

– О мудрая буйволица, не знаешь ли ты еще какого-нибудь мудреца, который помог бы мне в моих поисках?

– Знаю, – ответила буйволица, – в далеком Китае, в южных его провинциях, живет отшельник-обезьяна. Говорят, он превзошел все науки на свете, обрел плоды бессмертия, и живет уже больше трех тысяч лет.

– А как его найти? Китай – великая страна, – беспокоится Аленка.

– Проще простого. Возьми по полчашки молока от меня и других буйволиц этого стада, сбей масло, а на сыворотке сотвори блины. Как поешь ты этих блинов с маслом, так и откроется тебе путь.

Аленка подоила буйволиц, сбила масло, а блины печь решила уж наутро. Шибко устала – масло сбивать много сил надобно.

Привередница и скромница (сказка, рассказанная ладье крокодилами, пока Аленка буйволиц доила)

Жили были в одном индийском селе две сестры: старшая – Дийя – и младшая – Канья. И вышло так, что родители старшую сестру любили и очень баловали, а младшую нагружали работой да поругивали частенько. Вот и выросла старшая привередницей, а младшая – скромницей.

В то время, как обе девушки вошли в пору замужества и славились красотой далеко вокруг, случилось так, что один богатый купец задумал женить сына. Призвал он к себе сваху и велел ей сыскать самых красивых девиц в округе.

– Да тут и искать нечего, – говорит сваха, – нет красивее во всем свете, чем Дийя и Канья. Обе очень хороши собой, выбирайте, какая вам по вкусу.

Сходил купец, посмотрел, точно – обе раскрасавицы. Какую же выбрать? – задумался. А жила с ним старушка-мать, женщина столь же мудрая, сколь седая.

– А устрой им состязание, – говорит, – я придумаю такие задания, которые сразу покажут, кто из них благонравнее.

Так и сделал. Родители вместе с Дийей и Каньей приехали в дом купца – очень уж им хотелось, чтобы старшая дочь вошла в богатый дом.

– Перво-наперво, – говорит старуха, – проверим, которая из ваших дочерей лучше стряпает. Пусть они изготовят нам блюдо к обеду каждая, да повкуснее. Вот ключи от кладовой – берите, что хотите.

Дийя набрала жасминового риса, дичи, шафрана, пряностей всяких и изготовила царское угощение. Канья же взяла только какую-то мелкую рыбку, обычный круглый рис и немного перца.

Сел купец обедать, отведал дийиного блюда -вкусно, отведал каньиного – да все и съел, даже рыбьи косточки обсосал.

– Хорошо, – продолжает старуха, – теперь посмотрим, кто из вас лучше сумеет мужу угодить, красоту свою представить. Возьмите сурьму, румяна, возьмите благовония и украсьте себя, как следует.

Привереднице не впервой себя украшать – она подвела миндалевидные глаза, вычернила веки, подкрасила красным ноздри и губы, нарумянила щеки, облилась сандаловым маслом с ног до головы. Скромница же только слегка подкрасила глаза и брови, да окурила одежду одной ароматной палочкой.

Вышли они к старухе, та осмотрела их – обе хороши, глаза радуются.

– Ну что ж, – говорит, – вот вам последнее задание да заодно и награда за старание. Пойдите в нашу кладовую и выберите себе каждая по сари в подарок. А я посмотрю, как вы умеете наряжаться.

Дийя, конечно же, выбрала себе оранжевое сари, шитое золотом, и тут же принялась вертеться перед зеркалом. Канья же взяла какую-то простую полосатую ткань, быстро оглядела себя со всех сторон, а к зеркалу даже не подошла.

Ну, вот, теперь все ясно, – сказала старуха и присоветовала сыну взять в невестки младшую, скромницу.

Старшая же в обиде возвратилась домой. Она потом тоже вышла замуж, но вовсе не так удачно, как сестра.

– Ну вот! – воскликнула Аленка, когда ладья пересказала ей эту сказку, – эти купцы просто жадины. Выбрали ту, что экономнее!

– А я не так эту сказку поняла, – возразила ладья. – Из дорогого риса да редкой дичины кто угодно вкусное блюдо состряпает. А ты попробуй из мелкой рыбешки изготовить так, чтоб косточки обсасывали! И с притираниями тоже все ясно: младшая хорошо знала, что ее красота не нуждается в украшениях, а старшая сомневалась в себе, вот и разрисовала лицо. И насчет сари: старуха смотрела, как они держатся, как ведут себя. И опять скромница показала себя более уверенной, а значит, более надежной.

– Ну, может и так, – неохотно согласилась Аленка. – Хотя что плохого, чтобы повертеться перед зеркалом, особенно, если платье красивое.

– Ничего плохого, – подтвердила ладья.

Блинчики да с маслицем

Единственное, что на ладье осталось неизменным со старых времен, – это печка. Представьте себе, прямо посреди корпуса стоит самая настоящая русская печь с вьюшками, устьем и плитой! Настоящая она, конечно, но не совсем. Все-таки, немного волшебная. Во-первых, стала ладья легче перышка, легче пуха (это ладья Аленке рассказала) и печь с ней; во-вторых, дым от дров поднимается в трубу, труба выходит на палубу, а из трубы невероятным образом появляются опять дрова, да самолучшие – сухие, березовые. И ровно столько, сколько в печку закинули. "Прям перпетуум мобиле какой-то"– говорила иностранными словами ученая Аленка.

Но все-таки печь была, и, стало быть, можно печь блины. С утра затворила Аленка тесто, напекла золотистых хрустких блинков, смазала их буйволиным маслом и наелась от души. Предлагала и орлану, но тот гордо отказался.

А после сытной еды Аленку в сон потянуло. Пыталась она о дисциплине вспомнить, да где там, клонит подремать, и все тут. Так прямо за столом, положила голову рядом с миской и заснула. И снится ей карта Китая. Странная карта – если в какое место приглядеться, видны дома, скот, деревья, человечки видны. В Китае неспокойно. Война идет в Китае. А в южной ее части словно солнышко светит. Присмотрелась Аленка и видит: сидит в старой пагоде обезьяна, вер-

нее, обезьян, потому что явно мужского пола, смиренно сидит, острой палочкой что-то на земле чертит, а от обезьяна ну в точности сияние исходит. Поняла Аленка, что вот оно – место назначения. Как поняла, так сразу проснулась и побежала к картам отметку делать. А морской орлан, в окно за Аленкой наблюдая, проворчал:

– Ну, в Китай, стало быть. И слава богу! А то рыба тут какая-то пресная, не вкусная совсем рыба. А что в жизни важнее рыбы?

Мудрая обезьяна

Тут мне умные товарищи подсказали, что нельзя говорить "обезьян". Что так я детей плохому научу, а должна я детей, совсем наоборот, учить хорошему. Ну, что ж, исправляюсь. Только сначала сделаю небольшое предисловие. Эта самая обезьяна был известна тем, что всю жизнь превосходила, и наконец превзошла учение пути, которое по-китайски дао называется. Так что теперь я так ее и буду называть: обезьяна-даос. Вроде как достаточно по-мужски?

Итак, как-то летним вечером сидел обезьяна-даос у стен заброшенной пагоды и поедал плоды. Плоды ему доставляли монахи, которые делали это с древних времен, и уже, по правде сказать, забыли, зачем делали. Обезьяна-даос не просто ел плоды, он размышлял. О чем, вы спросите? Да не могу сказать, о чем.

Посудите сами, как я, обычный, в общем-то, человек, могу рассказать о глубинах мыслей мудрой обезьяны. Впрочем, он, может быть, и думал только о том, что абрикосы в этом году уродились сладкие. И тут к обезьяне подошла Аленка со своим обычным вопросом. Ну вот вынь да положь ей это бессмертие! Обезьяна-даос даже рассердился, нахмурил брови и вскричал:

– Ох уж эти мне коровы, вечно все напутают! И вовсе не я воровал персики бессмертия из небесного сада, а Сунь

Укун, великий мудрец, равный небу. Кстати, тоже обезьяна, – скромно добавил он, увидев, что Аленке это имя ни о чем не говорит. – Так и он давно перешел в буддизм, просветлел и теперь восседает в бутоне лотоса. То есть в нирване – пояснил он разинувшей рот Аленке, – то есть в абсолютном недеянии. Ну, в общем, молода ты еще, чтобы понять. Но все-таки я могу тебе помочь. Дело ведь не в том, что тебе так нужно бессмертие. Мало приятного в вечной жизни, если подумать! А дело в том, что ты страшишься смерти. Поэтому надо тебе пробраться в страну Японию и расспросить там о самурайском кодексе.

Аленка про самураев слышала что-то, но крайне невразумительное.

– Самураи – это ж воины такие, а не мудрецы. Чему они научить могут?

А обезьяна-даос настаивает:

– Ступай ко двору какого-нибудь даймё и расспроси там коней. Кони – животные благородные, а в Японии еще и редкие. Они много знают. Только вот загвоздка. Япония так долго жила замкнуто от всего мира, что у животных ее образовался свой особый язык. Ты его просто так не поймешь, а чтобы выучить, нужны долгие месяцы. Но у меня есть волшебная серебряная пилюля. Положишь ее в рот – и сможешь понимать любой язык. Только просто так я ее тебе отдать не могу. У нас, у даосов, принято знание на знание обменивать.

Аленка много зелий знает, думает: что-нибудь да найдется

интересное для обезьяны, вот и пригласила его на корабль, ознакомится со своим богатством.

А на ладье выяснилось, что все эти зелья даосу знакомы. То есть, может быть, другие травы и коренья используются, да эффект все тот же достигается. Нечего Аленке предложить взамен. Только слышит, шепчет ладья:

– Предложи ему липовых куколок.

– Каких-таких куколок? – интересуется обезьяна-даос, которая то ли по своему уму, то ли из-за серебряной пилюли за щекой превосходно ладью понимает.

И рассказала Аленка историю про липовых куколок, как они появились, как танцевали вдвоем и как вдвоем же умерли.

– А я, – говорит ладья, – могу в точности научить тебя, как вдохнуть в куколок жизнь.

– Это печальное знание, – говорит обезьяна-даос. – Не знаю даже, смогу ли я пустить его в дело. Однако сама эта история так поучительна, что отдам я за нее пилюлю. – Вынул пилюлю из-за щеки, отдал Аленке и растаял (даосы это умеют). Аленка долго потом пилюлю с уксусом и кипятком чистила, чуть кожу на руках не ободрала. Вроде умная девка, а обезьяны брезгует.

– Рыба тут, – проворчал орлан, наблюдая, как Аленка чистит пилюлю, – костлявая ужасно. Может, в Японии получше будет. Ведь что может быть важнее рыбы!

Путь смерти

Настоящий писатель, тот, который пишет большие исторические романы, посвятил бы глав семь тому, как Аленка блуждала по Японии, вернее говоря, по великой Ниппон, как искала нужный дом, несколько раз ошибалась, потом нашла, перекинулась в мальчишку-прислужника, пробралась на конюшню, убедила несговорчивого коня раскрыть ей тайну самураев, не боящихся смерти. Но я не настоящий писатель – я сказочница, а сказки, как известно, сказывают, вовсе не пишут.

Поэтому я сразу обращусь к тому моменту, как очень серьезная Аленка вернулась к ладье и с выражением зачитала то, о чем поведал ей самурайский конь.

" Все мы желаем жить, и поэтому неудивительно, что каждый пытается найти

оправдание, чтобы не умирать. Но если человек не достиг цели и продолжает

жить, он проявляет малодушие. Он поступает недостойно. Если же он не достиг

цели и умер, это действительно фанатизм и собачья смерть. Но в этом нет

ничего постыдного. Такая смерть есть Путь Самурая. Если каждое утро и каждый

вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить

так, словно твое тело

уже умерло, ты станешь подлинным самураем. Тогда вся твоя жизнь будет

безупречной, и ты преуспеешь на своем поприще."

(Перевод Котенко Р.В., Мищенко А.А.)

На краткий миг воцарилось молчание, которое прервал орлан:

– Я все понял! – воскликнул он в волнении. – У человека, у животного, у птицы должно быть предназначение в жизни, его цель. И когда она есть, смерть не важна. Для чего я жил? Ради рыбы. И вот я попробовал рыбу в тысяче разных мест (кстати сказать, здесь она какая-то кисловатая), и понял одно – самая вкусная рыба ловится в месте, где я родился. Значит, я достиг своей цели. Теперь мне следует умереть!

И орлан сложил крылья, закрыл глаза и грохнулся на палубу. Аленка ахнула. Ладья была потрясена. Они обе уже привыкли к неугомонной птице и ее дурацкой присказке "А что может быть важнее рыбы?". Они было приготовились проливать обильные слезы, как вдруг орлан пошевелился, встал на лапы, подошел к краю палубы, бросился с борта вниз и тут же стремительно набрал высоту и гордо прокричал сверху:

– Крылья! Крылья важнее рыбы! Полет важнее всех рыб на свете! Летать – вот мое призвание!

Покружил над мачтами и скрылся за облаками, не попрощавшись. Все-таки он был порядочный нахал, этот орлан!

Кицунэ

Аленка решила задержаться в удивительной стране Ниппон подольше. Тем более, что даосская серебряная пилюля, как оказалось, имела еще одно волшебное свойство. Она делала понятными непонятные явления жизни японцев. Вот скажет тебе кто "сёдзи", и ты сразу представляешь сетчатые перегородки из дерева и бумаги, которыми комнаты разделяют. Очень полезная оказалась пилюля!

Но в одном она не могла помочь. Аленка страдала по русскому хлебу, ноздреватому, черному, с горбушечкой. По горшку доброй каши, гречневой или пшенной, с лучком, чесночком, с душистым салом, хорошо пропаренной в печке, страдала она. Запасы на ладье подошли к концу, и приходилось питаться местным рисом, рыбой и всякими, прости господи, ика – осьминогами.

И вот как-то гуляла Аленка в мужском обличьи по узким улицам старого города, думала, не пора ли уже возвращаться домой. Как вдруг услыхала за углом тихий плач. Подошла посмотреть, а там сидит на приступочке девушка-красавица в нарядном кимоно, глаза рукавом закрывает и всхлипывает.

– Что за беда у тебя, девица? – спросила Аленка.

Та подняла глаза, и такие то были беззащитные глаза, что сразу захотелось незнакомку обогреть и обиходить. Аленка было собралась это сделать, как вдруг глаза превратились в

щелочки и красавица рассмеялась.

– Ну, надо же! На свою нарвалась, – сквозь смех сказала девушка, и тут уж Аленка пригляделась к ней повнимательней. Смотрит, а это не девушка вовсе, – сидит перед ней огненно-рыжая лиса о пяти хвостах. И серебряная пилюля, что за щекой находится, услужливо подсказывает: кицунэ, оборотень.

Не могла Аленка мимо пройти, зазвала эту кицунэ к себе на ладью. Там красавица живо налепила из вчерашнего риса какие-то колобки, приготовила суп из водорослей с яйцом и ловко разделала сырую рыбу. Поставила на стол угощенье – нельзя ж отказываться, приходится есть. Аленка поблагодарила, но потом сказала почти сурово:

– У нас не принято, чтобы гости хозяев потчевали.

– Так это я по привычке, – смеется девушка. – Если какой прохожий повеса меня пожалеет, в дом свой приведет, так перво-наперво его вкусно угостить надо, потом приласкать, а там уж он растает и совсем будет мой.

– Зачем же тебе это надо?

– А жить на что? Мы, кицунэ, больше тысячи лет живем, и редкая из нас, как ты, может в мужчину превратится. А женщина в нашем мире не может жить без мужа, сына или отца.

– Я бы своим трудом жила, -негодует Аленка.

– Так и я своим трудом живу, – опять смеется красавица, – Знаешь, как трудно угодить нынче молодым повесам? Все

они мамками да няньками избалованы. В старину, говорят, много лучше было.

– Ну, – заметила Аленка, – так всегда говорят.

Кицунэ оглядела каюту и заметила стоящее в углу на рогожке денежное дерево.

– Ах! – сказала она. – Своим трудом, значит? Легко тебе так говорить, когда у тебя серебро, точно сливы, на ветках растет.

Пожалела Аленка лисицу: натрясла ей в платочек с дерева горсти две монет. С тем и распрощались.

– Эх ты, раззява, – корила ладья Аленку, – пожалела оборотня, который тем и живет, что из честных людей деньги выманивает.

– Жаль ее, – ответила Аленка, – тяжело по чужим людям весь век мыкаться, к чужим порядкам приспосабливаться. А, может, у нее еще и детушки есть?

Детушки у кицунэ и правда были. И все до одного – лисы-оборотни. Очень они обрадовались серебру и тут же стали строить планы, как из простодушной иноземки побольше добра вытрясти. Заявились назавтра всем семейством в порт – а ладьи и след простыл. Улетела она обратно на родину.

В гостях

Летят, стало быть, домой ладья и Аленка. Хорошо летят, споро – ладья теперь может идти со скоростью в 250-300 узлов. Только ветер свистит в ушах!

Кстати, если вы хотите узнать, какая движущая сила у летучей ладьи и вообще про ее устройство, я вам отвечу только одно: волшебное у нее устройство. И больше мне вопросов по этому поводу не задавайте.

Подлетают к Уралу. И тут Аленке приспичило: заглянем в гости к Кощею, да заглянем. Ладья удивилась:

– А он разве тут обитает? Он же в тридесятом царстве правит.

– Видишь ли, – объясняет Алена, – живет Кощей, все больше, конечно, в сказочной реальности, в своем, так сказать, измерении. Но есть места, в которых измерения соприкасаются. Там возникают проходы. Иные совсем маленькие: колодец там, или шкаф, или дупло в дереве, или даже расшатанная доска в заборе. А иные – такие большие, что туда целая деревня провалиться может. Вот читала я в Питере повести Гоголя, так, сдается мне, у него на родине близ Сорочинец как раз такое место есть. И тут, на Урале, тоже есть такая дыра, не слишком большая, но ладья пройдет. И ходу-то до нее всего с полчаса.

В общем, уговорила ладью.

А Кощей в это время был занят наиважнейшим делом. Надо сказать, у бессмертного старика водилось два предпочтительных занятия: любил он покорять сердца чернооких дев (ну, нравились ему брюнетки, имеет право) и любил сутяжничать с соседями. И вот сейчас как раз он сочинял обвинительную речь по своему иску к князю Гвидону по поводу незаконного введения пошлины на транзитный табак и пряности. Он писал весело, размашисто, и дело быстро шло к концу.

А тут – Аленка, как снег на голову. Нет, признать-то он ее признал, все-таки волшебник, каких мало. За стол усадил, потчует разносолами всякими, в особенности, мятными пряниками – помнит ее вкусы. И про между прочим спрашивает:

– А что, Алена Батьковна, вижу я, что Вы опять молодой стали. Не подкинете ли и мне, старику зелье какое для омоложения.

– Не нашла я такого зелья, – признается Аленка.

– Что ж, – вроде и не унывает Кощей, – девушки меня и так любят. Я обаятельный, – и улыбнулся такой улыбкой, что у Аленки дух свело. "Пора мне убираться отсюда подобру-поздорову, а то не ровен час, – решила колдунья, – ишь чего удумал, черт мосластый", – и удрала поскорее.

Кощей же не спеша допил чай, вернулся в кабинет и продолжил писать:

"Следует также подчеркнуть, что введение новой пошли-

ны не было обусловлено насущной финансовой необходимостью. Всем известно, что князь Гвидон располагает волшебной белкой, которая из простого ореха делает золотой, да еще и с первосортным изумрудом вместо ядра. Монетами из той скорлупы он уже наводнил весь свет.

Не испытывает князь и военной угрозы. Родственники его жены, числом тридцать четыре, исполинского роста и богатырского телосложения, ежедневно обходят остров дозором, изрядно пугая мирных купцов, не сведущих об этом обычае. И уж тем более ни один окрестный царь не решится напасть, пока город имеет такую защиту.

Кроме того, князь Гвидон пользуется и другими благами от вышеназванной жены, выражающимися, в частности, в бесплатном освещении земли ночью."

Кощей потер лысину. Дело спорилось. Он чувствовал, что в этой тяжбе выйдет победителем.

Ёма-баба

Над Россией летучая ладья летела не споро, чтобы Аленка могла все разглядеть и всем поинтересоваться. Вот летят они, к примеру, над Пермской губернией, в каких-то местах останавливаются, народ слушают. А того не ведают, что через ту медлительность им угроза страшная грозит.

Дело в том, ч то в обширных пермских лесах издавна обитает Ёма-баба. Чем-то похожа она на бабу-ягу, но куда злее, а главное, всего одна она на всем белом свете. Когда-то были у нее отец с матерью, даже муж и дети у нее были. Но все это так давно исчезло, что она и думать о них забыла. На вид она страшная-страшная: зубы и ногти из железа, совсем слепая, зато нюх и слух у нее отменные, нос до полу падает. Вот этим-то носом она и учуяла молодую колдунью да ее волшебную летучую ладью. Учуяла и положила ее к себе заманить, пытать, все секреты выведать, ладьей завладеть.

Для этого взяла она наговоренную веревку из прелой пеньки да завязала на ней три узла. Теперь Аленка с пути собьется, заблудится, да прямо в лапы к Еме-бабе и попадет. Но так стара была Ёма-баба, что и колдовство ее устарело. Может, одинокого путника оно бы и запутало. Но у Аленки и компас есть, и секстан, а главное – знания и умения. Аленка даже и не почувствовала ничего. Ладья, может, и почувствовала, но под твердой рукой своего капитана не дрогнула.

Тогда Ёма-баба озлилась и решила навести бурю. Налила в чашку воды и стала в ней концами своего передника водить. И поднялся шторм на пермской земле: деревья валит, ураганы заворачивает. Аленка, видя нежданную напасть, велела ладье подняться повыше, сама в каюте заперлась, и сделала себе вроде как капсулу непроницаемую. Поверху они штормовые ветра и обошли.

Под конец Ёма-баба решила взять Аленка хитростью. Подослала к Аленке ворону, чтобы та напела ей про хитроумную ведьму, у которой Аленке есть чему поучиться. Но ладья как раз в это время летела полной скоростью, и ворона просто-напросто ее не догнала.

Так и не вышло ничего у Ёмы-бабы. И в этом, любезный читатель, мы видим торжество научно-технического прогресса над темными суевериями.

Старое ремесло

Вот и осень наступила. Листья внизу, под летучей ладьей, буреть и желтеть начали. Заодно наступила пора подновить запасы провианта. А рядом как раз Кострома – город славный, богатый. Приводнились в невидимости, тихо приводнились, в порт вошли, встали у причала, Аленка пошла по городу гулять. Эх, хорошо гулять в своем обличьи, да в новой юбке, да в блузке небесного цвета, да в жакете английского сукна! Да только как-то невесело в Костроме.

Остановилась Аленка у одного из купеческих домов и прислушалась особым острым колдовским слухом, о чем в доме говорят. А говорят вот что: кто-то порчу напустил на девок костромских, дочерей купеческих. По всему лицу и шее пошли у них белые пятна, так что выглядят они теперь, как пегие коровы. Стыд на улицу выходить! Винят же во всем Агаповну, солдатскую вдову, которая в доме у купца Егоршина раньше жила в приживалках. А кого и винить, как не ее! Известно, она и на картах гадала, и на кофейной гуще, и скотину лечила, и чирьи выводила, и дурную кровь заговаривала. Точно она порчу навела, ведьма старая! Сейчас вот Егоршины ее выгнали – и правильно сделали – и приютилась она в сиротском доме, ей коморку выделили, а она за то белье стирает. Да не место ей и там, надо совсем ее выгнать из города, тогда и болезнь пройдет.

Слушает Аленка и вспоминает свою молодость горькую. Надо бы помочь Агаповне. Разыскала солдатку в сиротском доме и свой план ей обсказала. Агаповна оказалась хваткой и смекалистой, враз все поняла. С тем и попрощались.

А назавтра откуда ни возьмись прямо посередь Сусанинской площади объявилась древняя старуха. Волосы на голове лохматые, не покрытые, одежда не здешняя, в руке клюка железная, изо рта клык торчит, а больше во рту зубов и нету. И гуляет себе по городу, как будто так и надо. А как мимо соборной колокольни проходила, так клюкой колокольне-то и пригрозила, а еще поносные слова проворчала. Подошел к ней, конечно, городовой и стал внушать, что не годится нарушать порядок. Но она на городового как черным своим глазом глянула, как зубом цыкнула, – задрожал бравый городовой, побледнел и за сердце схватился. Старуха же словно растворилась в воздухе.

Назавтра смотрят – опять древняя ведьма гуляет по Костроме. Замечать стали: собаки ее боятся, хвосты и уши поджимают, кошки на нее спины дугой выгибают и шипят, даже гусаки и те вытягивают шеи и гогочут испуганно.

А на третий день страшная старуха заявилась прямо на базар, да еще и тачку с собой приволокла здоровую, как и управляется с ней. Накупила капусты, репы, круп всяких, колбас свиных и ливерных, яблок и все это сложила в тачку. Идет себе так легонько, словно и не стоит ничего тяжеленную тачку катить. Только присмотрелись горожане, а в тачке

у нее вместо кочанов капусты головы отрубленные лежат, а вместо колбас – змеи извиваются. В ту ночь многие не спали со страху.

Агаповна наутро заявилась к купцу Егоршину и потребовала, чтобы ее выслушали. Не хотели, да пустили – скандалу побоялись, Агаповна давно жила у купца, все секреты и тайны знала, а ну как раззвонит по улице?

– Значит так, – солидно сказала Агаповна, – теперь-то, я думаю, всем в Костроме ясно, что порчу на девиц навела пришлая ведьма, а меня безвинно оклеветали и крова на старости лет лишили. Купчиха Егоршина и все домочадцы кивают.

– Но хоть я и есть за правду пострадавшая, я на вас обиды не держу. И даже скажу вам, что знаю, как злодейку извести. Досталась мне еще от бабки булавка, наговоренная афонским отшельником, великую силу супротив нечисти имеющая. Вот я как в ворот ведьме ее воткну, так вся ее волшба пропадет, а сама она изведется.

– Неужто, – бледнеет купчиха Егоршина, – неужто, Агаповна, ты не побоишься подойти к старухе? Страсть ведь эдакая!

– Ради правого дела не побоюсь, – стойко отвечает Агаповна. – Да только и вы меня не обидьте.

Тут купчиха наобещала ей всего, и даже больше.

Так что, когда в полдень на Сусанинской площади опять появилась древняя ведьма, там ее уже ждала Агаповна.

Храбро подошла она к старухе и воткнула ей в ворот блестящую булавку. Тут раздался как бы гром, старуха вся сжалась, скукожилась, и осыпалась черной золой.

А Аленка в это время стояла в стороне и морок на народ старательно наводила. Дело привычное, хотя и не очень приятное. Дело, сил много требующее. Прошлые-то дни она сама в обличьи старухи шастала по городу. Сегодня же в ход пустила волшебные миражи.

Ну, вроде рассказывать больше нечего. Агаповна присоветовала всем пострадавшим купеческим дочерям обратится к немецкому лекарю Иогану Брамсу, да поскорее. Они так и сделали, и эпидемию лишая удалось предотвратить. Аленка затарилась разной снедью и полетела дальше.

Агаповна стала снова жить у купца Егоршина, но теперь на особом положении. По правде сказать, она так зазналась, что даже чай теперь пьет не в прикуску, а в накладку.

Наконец-то отдохнем!

Ну, вот и привела Аленка ладью в город Санкт-Петербург. Поставила на якорь, оплатила все сборы, все сделала честь по чести. Ладья отдыхает, делится новостями с портовыми крысами и кошками. Крысы охают и вздыхают, кошки хранят загадочное молчание- мол, мы и не такое видали. Аленка устроилась в гостинице, потому что приятно вновь почувствовать под ногами твердую землю. Вроде бы можно отдохнуть и Аленке.

Но тревожит ее мысль – в чем ее призвание, за что ей не жалко и жизнь отдать? Колдовать она любит, зелья всякие составлять – но чувствует, что не в этом ее судьба. Может быть, ее призвание – полет, как у орлана и ладьи? Нет. По правде сказать, она любит полет только за возможность увидеть новые земли. Тогда, наверное, ее доля – пудрить мозги глупым боярским женкам и не менее глупым женкам купеческим, продавая им чудесную водицу для приворота мужчин, а также хлеб, от которого талия тоньше становится? Это, конечно, забавно. Но посвятить всю жизнь обману… Этого Аленке вовсе не хочется.

Что же это такое, так много она всего знает, столькому выучилась, а самого главного в жизни не понимает! И так горько стало Аленке, что она заплакала. Плачет и думает: вот была бы у меня девочка-подружка с ясными глазами да уме-

лыми руками, я бы ее всему выучила, она бы точно до правды добралась, для чего мы, ведуньи, существуем! Да хоть бы и мальчишка, шустрый и смышленый.

И тут Аленку осенило: знания бесполезны, если их не применять, но так же бесполезны знания, если их никому не передать. Что толку, если она может вылечить корову от парши, вырастить денежное дерево, управлять летучей ладьей! Не станет Аленки, и все эти знания растают, как дым, и не будет от них никому пользы. И памяти об Аленке не будет.

Вот оно призвание – не просто копить знания, а делиться ими! И кто знает, может, повезет Аленке. Может найдет она свою ясноглазую девочку или шустрого мальчика, и появятся у нее ученики, и смысл в жизни появится!

Часть третья
Спасение летучего данайца

Совсем не святочный рассказ

Ну, любезный читатель, сначала определимся, что такое "святочный рассказ". Это рассказ о том, как в канун Рождества с людьми происходят чудесные истории: больных детей спасают добрые доктора, скупые Скруджи перевоспитываются, а ревность мужа успокаивает сверчок за печкой. И все кончается очень хорошо. А моя история, во-первых, началась в пасхальную неделю; а во-вторых, еще неизвестно, хорошо ли она кончится.

У витрины булочной стояли двое детей и жадно вдыхали запах хлеба. Они не были оборванцами, но весь их вид выдавал бедность. Пальто на них были, словно с чужого плеча – слишком большие и сильно поношенные, ботинки, наоборот, казались слишком узкими, хотя и порядочно растоптанными. Но хватит об одежде, сами-то дети куда примечательнее. Это были близнецы, мальчик и девочка лет девяти; на их встревоженных лицах то появлялась надежда, то вновь исчезала. Они вполголоса переговаривались:

– Пойдем, попросим, авось даст.

– Эвона, даст! Так даст, что мало не покажется.

– Поищи еще в карманах, вдруг, закатилась за подкладку.

– Нет за подкладкой, весь подол перещупал. Вон дыища-то какая в кармане, знамо дело, выпал. Пропал алтын!

– О чем беспокоитесь, ребята? – вдруг раздался за спиной низкий голос. Малыши хотели было ответить неласково, но повернувшись, увидели строгую женщину, скорее молодую, по глазам которой сразу было видно – у такой не забалуешь.

– Мать алтын дала, велела ситного купить, а Сережа потерял, тетенька, – сказала девочка.

– Он, значит, Серега, а ты кто? – голос женщины потеплел.

– А я Иринка.

– А родились вы, стало быть, в мае.

– Ой, как угадала? – встрепенулась девочка.

– И родом вы пскопские.

Мальчик насупился и хотел было увести сестру от этой опасной женщины, которая так много знает. Но присмотрелся и признал в ней одну из тех, которых квартирная хозяйка называла "курсистки". Тетеньки эти были странные: вроде как дамы, но и не дамы. Дамы носили высоко вздымавшиеся сзади пониже спины юбки из шуршащего шелка, отороченные куницей шубки, шляпки с вуалями и тонкие перчатки. А курсистки ходили в простом суконном платье, в шерстяных платках, а под платками волосы у них были стриженные. Курсистки, по словам квартирной хозяйки, все время учились, и понятно, что такой ученой женщине ничего не стои-

ло отгадать, когда и где они родились.

И тут случилось странное: Сереге вдруг захотелось рассказать незнакомке все. И про то, как отец уехал в Питер на заработки год назад, и про то, как позвал их приехать к нему жить, и как они собрались и долго ехали, а приехав, не нашли отца в заводском бараке. Про то, как мастер накричал на маму и прогнал ее, про то, как мама решила добиться правды и сняла угол у портного на Обводном, про то, как целый месяц обивала пороги и выслушивала ругань, везде таская за собой близнецов. Про то, как позавчера вдруг тоненько вскрикнула, схватилась рукой за левое плечо и осела на пол. Прибежал портной, брызнул ей в лицо водой, она вроде и очнулась, но стала какая-то слабая, все время лежит. Портной хотел позвать лекаря – отказалась, а сама почти ничего не ест. Да и они горячей пищи со вчерашнего вечера не ели, когда сердобольная портнова жена выделила им по паре картох.

Сам не заметил Серега, как все это обсказал женщине, которой даже имени не знал. И она сказала:

– Ну, с ситным-то я вам помогу.

И вправду помогла: купила два фунта ситного, зашла еще в бакалею, взяла чаю, сахару и коробку монпансье, потом еще в колбасном фунт ливерной, самой вкусной, печеночной. Потом в трактир заглянула и взяла щей на вынос. Да велела самых лучших, и мяса не жалеть.

Нагруженные всей этой снедью, дети вместе с незнакомкой пришли на шестой этаж дома на Обводном, где снимали

угол.

В углу

Да ты, наверное, не знаешь, что такое угол? Как не знаю, – возмутишься ты, угол есть у комнаты, у улицы, у геометрической фигуры. Но все это, любезный читатель, другие углы.

В Санкт-Петербурге, в средине восьмидесятых годов позапрошлого века дело с жильем обстояло так. У самых богатых людей были свои особняки. Те, что попроще, но все равно при деньгах и связях, снимали роскошные квартиры на втором этаже доходных домов – бельэтаж называлось. В этом бельэтаже и потолки были высокие, и окна большие, и печи изразцами выложены. Те люди, что среднее сословие составляли, занимали третий и четвертый этажи. Ну, а беднота уже ютилась под крышей, там, где потолки были низкие, а окна узкие. Причем, конечно же, беднота не могла себе позволить квартиру. Нет, они снимали комнаты, а готовили на общей кухне у хозяйки, а чаще и вовсе не готовили, а покупали еду на вынос в трактире.

И, наконец, самые бедные снимали угол. Угол – это часть комнаты, отгороженная ширмой или занавеской. Вот в таком-то углу и жили Серега с Иринкой, и их мать.

Когда незнакомка вошла за занавеску и оглядела кровать, на которой дети спали вместе с матерью, а сейчас лежала она одна, стол и единственный колченогий стул, она не разохалась и не начала сочувствовать, как боялся Серега, не лю-

бивший, когда его жалеют. Наоборот, она сразу велела детям есть щи, пока не простыли, а сама склонилась над больной.

– Ну что, Аксинья Михайловна, – дети успели разболтать ей, и как мать зовут, и как отца, – Скажи мне, прежде в груди у тебя болело?

Страдалица еле слышно отвечала:

– Не болело. Так, ныло малость.

– А когда что тяжелое поднимала или там косила, дыхание перехватывало? воздуха не хватало?

– Бывало. Свекровка вечно жаловалась, что плохая из меня работница.

– А намедни что почувствовала? Острую боль вот тут? – и коснулась теплой рукой груди больной.

– Аж в глазах потемнело, – вспомнив, мать тихо заплакала.

Пришлая женщина расстегнула рубаху у лежащей и, не слушая ее протестов, принялась выстукивать грудь. Потом приложила ухо к сердцу. Потом достала здоровые мужские часы, да не простые – со множеством стрелочек (Серега никогда такие не видывал), – взяла мать за руку и с минуту сосредоточенно молчала. После застегнула матери ворот рубахи и сказала:

– Надо тебе к врачу, Авдотья Михайловна. Хотя, правду сказать, и врач тут уже не поможет.

Больная поманила незнакомку пальцем, и, когда та наклонилась, шепнула в ухо:

– Помираю?

И незнакомка так же тихо одними губами ответила:

– Да.

– Не нать тогда мне врача. Это дело нехитрое, в нем без помощников обойтись можно.

– Тут ты права. Поесть сможешь?

– Разве жижи похлебать. – Но ложку держать в руке Аксинья не могла. Сергей, поддерживая мать за спину, помог ей сесть, а Иринка принялась осторожно кормить ее. После шестой ложки больная сказала:

– Хватит. Душа не принимает.

– Ну, хватит, значит, хватит, – не стала настаивать незнакомка. – Пойду я. Завтра вернусь поутру, ждите.

– Постой, а как зовут тебя, добрая женщина?

– Аленой меня зовут.

– А по батюшке-то как?

– Алена Тимофеевна я, – сказала женщина и быстро ушла.

Разговор по душам

Утром Алена Тимофеевна явилась рано, выдала детям двугривенный и банку монпансье и велела купить молока и масла. Подождав, пока шаги детей на лестнице стихнут, она повернулась к больной и сказала:

– Принесла я тебе лекарство, да только хворь твою она не одолеет. Снимет тоску и боль приглушит. Но хотела я с тобой поговорить прежде по душам.

– Говори, чего уж.

– Жить тебе осталось с неделю, не больше. У тебя дыра в сердце. Бывает так. Некоторые люди от рождения больные, вот и ты из таких. Сердце сперва только сбои давало, а теперь порвалось. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Аксинья.

– Я, конечно, могла бы все тихо обстряпать, да не хочу тебя обманывать. Колдунья я.

– Ведьма, что ли?

– Да как ни назови, суть одна. Много я знаю и много умею, и хотела бы свои знания передать. Вот твои дети подходящие для такого дела. Отдашь их мне в ученики?

Аксинья взволновалась:

– Супротив Бога не пойду.

– Да и не надо, – отвечала Алена Тимофеевна, и как-то очень убедительно отвечала. – Разве есть что-то богопротив-

ное в том, чтобы силу трав узнать, силу звезд, чисел и ветра? Мертвых я не поднимаю из могил, не бойся. И детишек не гублю. И скот не порчу.

– Ну, коли так, клянись мне на образе Николая-чудотворца, – указала на стену Аксинья, где висела старая бумажная иконка,– клянись, перво-наперво, что не будет от тебя никакого вреда моим детям.

– Клянусь.

– Клянись, что узнаешь, что случилось с моим мужем, и, прежде, чем я умру, мне обскажешь. Потому что не будет мне покоя и на том свете, пока судьбу его не узнаю.

– Клянусь.

– И еще клянись, что похоронишь меня по христианскому обычаю, честь по чести. И чтоб сродственники знали, где могила моя.

– Клянусь.

– Тогда верю тебе. Хотя знаю день один, а верю.

– Это потому, – серьезно сказала Алена Тимофеевна, – что ты, как и твои дети, тоже из наших. Из ведуний ты и видишь ясно, где правда, где ложь.

Аксинья только качнула головой. Какая из нее ведунья! Только сердце чует, что с мужем случилась беда, вот и образовалась в нем дырка. И через эту дырку утекает сейчас ее, Аксиньина, жизнь.

На заводе

Как дети вернулись, Алена Тимофеевна тут же велела Сергею оставаться с матерью, а сама с Иринкой пошла на завод. В письме Петра, мужа Аксиньи, был он обозначен дословно: русско-американская резиновая мануфактура.

До завода было с полчаса ходьбы, и Иринка за это время много чего передумала. А ну как страшный мастер погрозит тете Алене кулаком, да и вышвырнет ее с завода, как вышвырнул мать? Разве есть супротив него сила?

А сила нашлась. Те двери, от которых гнали несчастную Аксинью, открывала легко Алена Тимофеевна. И главный мастер завода пожал ей руку при встрече, и на девочку взглянул ласково, дал Иринке сладкий сухарь. Позвал какого-то в очках и нарукавниках и велел ему поднять документы. Тот убежал, а через полчаса вернулся с ворохом бумаг. Из бумаг же следовало, что Петр Егоров, рабочий прессовального цеха, 26 февраля сего года попал под пресс-машину, в результате чего у него были раздроблены плечо и рука. В этот же день его доставили в Обуховскую больницу, где от полученного ранения он и скончался 02 марта. Похоронен на больничном кладбище.

– Родным почему не сообщили? – сурово спросила Алена Тимофеевна.

– Адреса не нашли, – соврал тот, что в нарукавниках.

(Иринка сразу видит, когда кто врет).

– А вдову зачем выгнали?

– А кто ее знает. Может вдова, а может так. Много их тут шляется в округе.

– А вещи от него остались?

– Беднякам отдали, в дом призрения.

– В общем, был человек Петр Егоров, и нет его, – подытожила Алена Тимофеевна и не сдержалась – эх, люди!

Вытребовала с них справку из больницы о месте захоронения и ушла. И руки, хоть они и совали, им на прощанье пожимать не стала.

Смерть и новые знакомства

К вечеру только вернулись домой. Девочка тут же рассказала все родным: и про завод, и про то, как потом поехали в больницу (на извозчике!), как нашли могилу (сторожу рупь дали, и еще посулили, чтоб не забывал, ухаживал).

Аксинья за день сдала: лицо посерело, лоб был покрыт испариной.

– Петруша. Чуяло мое сердце, – только и проговорила она.

Пришел приглашенный портным священник. Сделав все, что полагается, он спросил:

– Дети на кого останутся?

– На меня, – ответила Алена Тимофеевна и сунула в руку попа ассигнацию.

Ночь Серега с Иринкой не спали. А под утро мать захрипела, потянулась и преставилась.

Тут поднялась суматоха. Приходили из полиции, спрашивали у тети Алены паспорт, паспорта она им не показала, но они ушли довольные и все бумаги подписали. Приходили богаделки обмывать тело. Приходил гробовщик, тело обмерил.

Потом жена портного, охнув, сказала, что не след детям на такое глазеть, и увела их на свою половину.

А на третий день были отпевание и похороны. Ребята, как увидали городское кладбище, обомлели. Какая ж прорва народу живет в Питере, если здесь столько мертвецов! Как в

тумане бросили по горсти земли, съели кутью с рисом и поехали домой.

Только не домой поехали-то! Алена Тимофеевна скоро и властно приказала извозчику: в порт. Приехали в порт, пошли вдоль чудных складов, наваленного штабелями леса, бочек, ящиков… Все встречные суровые мужчины приветствовали тетю Алену шуточками и пожимали ей руку. Вот она подошла к красивому паруснику, легко прошла по тонкой досочке, и им велела подниматься, там провела в закрытое помещение, зажгла керосиновую лампу и враз осветилась небольшая комната, заставленная шкафами с книгами, картами, какими-то большими странными часами и коробочками неизвестного назначения. С книжного шкафа на них выкатил золотые глаза здоровый кот дымчатого цвета. В углу в клетке сидела канарейка.

– Знакомьтесь: кот Василий, кенар Рико. А меня с этих пор называйте просто – Аленка.

Та самая Аленка

Ну да, та самая Аленка, за приключениями которой мы уже так долго следим. Так неужели же она стала взрослой серьезной женщиной? Неужели она теперь всегда поступает правильно и творит сплошь добрые дела? А вот посмотрим.

– Тетенька Алена, как мы Вас будем просто Аленкой называть, – возмутилась девочка.

– А как все называют, так и ты называй, – раздался вдруг скрипучий голос.

Сергей и Иринка так и подпрыгнули.

– Это кто?

– Это я, летучая ладья, – продолжал голос. – Аленка! Бросай возиться с этой малышней и полетели куда-нибудь. А то так всю навигацию пропустим.

– А что такое навигация? – спросил Серега.

– Это порядок такой. Время, когда корабли могут в море выйти и в порт вернуться. У каждого порта своя навигация. Мне-то, конечно, тьфу. Я, если захочу, отращу себе конек и по льду понесусь, как буер.

– А что такое буер? – не отстает Серега.

– Тьфу ты, неуч какой, – ворчит ладья. – Несмышленый неуч. Ладно бы юнгу себе взяла, а то! Буер – это лодка на коньке, с парусом. Ее ветер гонит, она по льду скользит. А мне и конек не нужен. Я так сама по себе взлететь могу.

– Ну, положим, разбег тебе все-таки нужен, – замечает Аленка, а сама в кулак прыскает.

– Всего-то пятьдесят корпусов, – храбрится ладья.

– Тетенька ладья, а что такое корпус? – встревает Иринка, и тут даже кот не выдерживает. смеется. Смеется и канарейка. Дети смотрят на честную компанию и тоже начинают давиться от хохота. Не смешно только ладье. Она обстоятельно начинает объяснять, как по писанному:

– Корпус судна – основная его часть в виде водонепроницаемого и полого внутри тела обтекаемой коробчатой формы.

– А что такое водонепроницаемая? – встревает Аленка.

– А что такое полое? – мяучит кот.

– А кто такой обтекаемый? – щебечет канарейка.

Тут и ладья раскалывается, и все дружно смеются.

Объяснение

– Ну, ребята, надо объясниться, – говорит, отсмеявшись, Аленка. – С матерью вашей мы все обговорили. Но вы тоже уже взрослые люди и должны правду знать. Дело в том, что я колдунья.

– Ведьма, что ли? – у ребят глаза стали по пять копеек.

– Ну, пусть ведьма, если вам так понятнее. Видели, как все в порту мне руку жали, как уважительно здоровались? Думаете, это они с Аленкой здоровались? Стояла-то перед ними я, а видели они бойкого промышленника Алексея Семеновича, который по своей прихоти на парусном судне разъезжает.

– И на заводе тоже? – догадывается Иринка.

– И на заводе. И на улице, когда я вас впервые встретила, я тоже перекинувшаяся была. Совсем немного людей могут настоящее за видимостью распознать. А вы меня "тетенькой" назвали. Так я поняла, что вы мне в ученики годитесь. Я вас, может, тридцать лет искала… и еще восемь, – добавляет Аленка, вдруг погрустнев.

Ребята молчат, и ладья молчит, и даже кот Василий с канарейкой молчат.

– Так что решайте, Ирина и Сергей, будете ли вы со мной жить и науке моей учиться. А нет, так отправлю вас к деду с бабкой, денег подкину и отправлю.

– Нет, тетенька Аленка, – кричат наперебой дети, – не отправляй к деду, с тобой хотим.

– А учиться трудно, – серьезно говорит Аленка.

– А палубу драить тяжко, – вторит ей ладья.

– А меня кормить надо по часам, – щебечет канарейка.

– А меня просто надо кормить, – мрачно завершает кот Василий.

– Все сделаем! Все сможем!

– НУ, коли сможете, ответствуйте тогда, кто из вас читать умеет?

– Я, – отвечает Серега, – я в церковно-приходскую школу ходил.

– А я только по слогам. Я девочка, мне необязательно грамоте знать. Я в школу не ходила, меня Серега учил.

– Вот про то, что ты девочка, и тебе необязательно, чтоб я в последний раз слышала, – строго говорит Аленка. – Вы оба мои ученики, и учиться будете наравне. Хоть и придется тебе иногда мужское обличье принимать, – печально смотрит она на Иринку, – времена такие: что дозволено мужчине, нельзя женщине. Значит, первое задание тебе, Серега, – выучить сестру читать и считать, и таблице умножения. Таблицу-то знаешь?

– А то! До девяти.

– А дальше и не надо. Дальше я вас учить буду.

Отлет

Я знаю, любезный читатель, что про то, как дети учились, тебе читать неинтересно. Ну, и пусть себе учатся помимо этой книги. Хотя ты знай, что каждый день по шесть часов у них занятия, и еще три часа им дается на то, чтобы самим науки изучать. Зато могут они ходить по ладье, где захотят, и ладья им все про свое устройство рассказывает. Могут совать нос в любые аленкины склянки и пытаться сами любые зелья составлять. Могут даже трогать сложные судовые приборы. Только с ладьи сойти не могут. Потому что скоро отлет.

– А ну как, – беспокоится ладья, – у одного из них, а, может, у обоих, морская болезнь случится? А ну как, кто из них, а, может, и оба, высоты боится? А если…

– Разговорчики, – прерывает ее Аленка, – будем решать проблемы по мере их выявления, как говорят англичане.

Так что как-то под утро ладья мирно вышла из питерского порта, очутилась на ровной глади Финского залива и взлетела. Серега с Иринкой вначале испугались: почуялось им, что палуба из-под ног провалилась, и падают они в бездну. Но, как оказалось, они вовсе не упали, а, наоборот, взлетели.

И летать оказалось так чудесно! Так чудесно, любезный читатель, что и рассказать тебе не могу. А расскажу я тебе, пока Сергей с Ириной дивятся полету, вот лучше вот про

что.

Про то, как кот Василий на ладье объявился

Кот Василий, глубокомысленные друзья мои, был животным царских кровей, на что, как он говорил, безошибочно указывает его имя, а также тот факт, что он был сыном самой Семирамиды, знаменитой дымчатой кошки-крысоловки. Василий был также дымчат, так же ловко душил крыс, отчего оказался счастливчиком с детства. Его сразу же забрали на самый фешенебельный прогулочный пароход. "Бывало, – говаривал кот Василий – по целой неделе ничего, кроме пулярки, трюфелей и фуа-гра, у меня во рту не было". Кота холили и лелеяли, но было у него одно удивительное свойство, которое открылось в самый неподходящий момент.

А случилось вот что: первый помощник капитана закрутил любовь с какой-то пассажиркой. Василий впоследствии утверждал, что она была певицей, но точных данных на этот счет не имел никто. И вот в решающий момент старпом привел красавицу себе в каюту. Кот же, как на беду, слонялся поблизости. Увидев в щель дверного проема, как дама снимает шляпку и перчатки, кот почувствовал озарение. "Я, – говорил Василий, – точно знал, что она способна взять "до" третьей октавы". Но как заставить женщину петь? Кот нашелся мгновенно. Петь-то, может быть, он ее не заставит, а

вот визжать – запросто. Он быстро сбегал куда-то, вернулся довольный, дождался, пока в каюту проследует матрос с шампанским и фруктами, и проскользнул за ним. А затем так же незаметно выскользнул вон. Ждать пришлось долго, часа полтора. Кот даже вздремнул. Но все-таки добился своего – красавица визжала. "Это была такая чистая нота, что стало понятно – визжит истинная певица" – утверждал кот. Короче говоря, после приятного времяпрепровождения, певица (уж поверим коту) собралась надеть перчатки и тут обнаружила, что вместе с ними в шляпе мирно лежит свежеубитая крыса.

Кот Василий оказался шкодой.

Судно вернулось в порт, и кота тут же списали на берег. Но так как он был широко известен с самой положительной стороны, а историю со старпомом все повторяли, как развеселый анекдот, кота Василия скоро забрали на другой ультрасовременный, хоть и грузовой, пароход. На пароходе даже была баня. Там, собственно, все и случилось.

Как-то, когда судно выполняло длинный рейс, возвращаясь из Венесуэлы с грузом какао-бобов и разного прочего, у матросов случился банный день. Пошел попариться и боцман, кстати сказать, полюбивший Василия самой искренней любовью. Мыться пошел, а свой свисток, с помощью которого он отдавал команды, оставил на лавке рядом с чистыми подштанниками.

"И тут я подумал, – рассказывал Василий, – а что случится, если…" Короче, он присел над свистком и хорошень-

ко облил его. Обмоченный свисток посреди океана – это не хухры-мухры! Это, можно сказать, диверсия. Бедолага боцман был оскорблен в лучших чувствах. "Я ж его (трам-тарарам), – говорил он, – а он мне (тарарам-там-там)".

И кота Василия вторично списали на берег, но теперь уже с волчьим билетом.

Наступила зима, в порту было невесело. Последняя крыса жила лучше Василия. Потому что у крысы была семья и друзья, а от кота все отвернулись. И кот решил пойти на шантаж. Как и все в доках (кроме людей, разумеется), он знал о летучем корабле и управляющей им молодой колдунье. Так что однажды, когда Аленка шла к причалу, он встал на ее пути и заявил:

– Предлагаю взаимовыгодный обмен.

– Что на что менять будем?

– Мое молчание взамен на постоянный кров и еду.

– Значит, выдать меня хочешь? – усмехнулась Аленка. – А как, позволь тебя спросить, ты собираешься это сделать? Ведь люди тебя просто-напросто не поймут.

Вот этот момент кот Василий и не продумал.

Аленка рассмеялась и к недоумению всех окрестных животных взяла наглого котяру с собой.

Василий не сразу забыл старые привычки и пару раз перевернул какие-то реторты, а также однажды налопался валерианы и разнес бы всю палубу, если бы ладья не вырастила вокруг него крепкую клетку. Кот провел в ней полдня, после

чего был выпущен на волю. И с тех пор был, как шелковый, ну, почти всегда.

Стремительные жители Миннемюлле

Как уже говорилось прежде, избушка очень любила сказки. Став ладьей, любви своей она не утратила, а наоборот, подвела новую почву. Теперь в каждом путешествии она собирала народные сказки, выспрашивая у пролетных птиц, пробегавших зверей и даже иногда у гадов.

Но ладья обнаружила у себя еще один талант: она прекрасно сказки рассказывала, порой переиначивая на свой лад конец, если он казался ей слишком грустным или жестоким.

По вечерам все собирались в кают-компании. Аленка прокладывала маршрут назавтра, или просто рисовала что-то на листочке; дети сидели рядом и слушали, кот Василий мурлыкал, канарейка дремала, а ладья сказывала.

– Вот мы сейчас летим над Лифляндскими землями. А надо вам сказать, есть тут деревушка Миннемюлле.

– Или Мюллеминне, – подначивает Аленка.

– Ну, может, и так. Так вот, в этой деревушке люди едят кашу странным образом. Горшок с кашей они ставят на стол, крынку с топленым маслом – на полати, а кружку простокваши – в сени. И вот черпают они кашу ложкой за столом, чтобы обмакнуть в масло, тащат ее на полати, а чтоб запить кашу простоквашей – так же гораздо вкусней – выбегают в сени.

А еще они крайне странно вдевают нитку в иголку. Отре-

зают нитку у окна, вдевают в ушко на пороге, а узелок завязывают у калитки.

И щи они варят странно. Достанут кочан из подпола, нашинкуют в сараюшке, кидают в котел на печи, а ложкой мешают на полатях.

Дети смеются и Иринка замечает:

– А, может, они просто такие быстрые? Оглянуться не успели, они уже в другом месте.

– Может быть, – соглашается ладья. – Вот такие стремительные финны из Миннемюлле.

– Или из Мюллеминне, – поправляет Аленка.

Подменыши

Как-то пролетали они над Норвегией, сверху на фьорды любовались и вниз спускались, по берегу гуляли. И между прочим рассказала им ладья, что в Норвегии живут тролли, которые только и знают, что строить пакости честным людям.

– ЛЮбое дело у них, – говорила ладья, – украсть у родителей ребенка и подменить его своим трольчонком. Трольчонок такой обычно не живет долго, скоро умирает, потому что он не привык хлеб есть и молоко пить, ему подавай болотную жижу с лягушками. А человечий детеныш у троллей остается много им всяких дел делает, потому что сами тролли работать ленятся.

А то еще бывает, затеют в деревне свадьбу, а жених-то из соседнего села. Вот сидит невеста, вся изукрашенная, жених на тройке подъезжает, честь по чести. Свадьбу играют, веселятся. Назавтра молодые отбывают по месту жительства жениха.

И тут к вечеру приезжает вроде бы тот же самый жених на той же тройке. Только весь измученный, лошади из сил выбились. Оказывается, тролли весь день и всю ночь его кругами по лесу водили. А тот-то жених, вчерашний, он был подменыш вот такой, как я прежде сказывала. Ему ведь жена нужна? Вот он и отвел всем глаза. И девушку ту, конечно,

больше никто не видит.

– Страсть! – вздыхает Иринка и жмется к Сергею.

– Врут поди, – старается быть солидным мальчик.

– Может, и врут. Но вот что еще рассказывают. Один дровосек нашел в лесу заблудившуюся красавицу. И так она ему приглянулась, что, не спросив чьего она роду-племени, он на ней женился. Живут год, живут два, ладно живут, сынок у них народился. И тут решил дровосек поехать на ярмарку. "Хорошо, поезжай, – говорит ему жена. – Только как подъезжать к дому будешь, песню какую-нибудь запой погромче, чтоб я тебя услышала и тебя встретила".

Дровосек накупил на ярмарке подарков и возвращается домой веселый, и, конечно, совсем забыл про песню-то. Подошел к дому, взглянул в окно – а там жуткая ведьма с зелеными волосами в котле какую-то бурую бурду варит, а рядом с ней такой же жуткий трольчонок играет.

– Что это, мама, – говорит тролльчонок, – вроде как человечески духом запахло?

– А это наш отец, – отвечает ему ведьма, – домой потихоньку вернулся и за нами подглядывает.

А дальше я вам рассказывать не буду. Дальше жалостливо, – обрывает сказку ладья.

– Расскажи, расскажи, – просят дети.

– А что рассказывать, – решительно завершает Аленка, – схватил он топор и порешил и ведьму лесную, и тролльчонка.

– Жалостно, – вздыхает ладья.

– Нечего жалеть, – заявляет Серега, – что их жалеть, ведьм всяких. От них одно зло.

– Между прочим, – наставительно говорит ладья, – не так давно я сама была избушкой на курьих ножках, а Аленка – бабой-ягой. И никому от нас зла никакого не было.

– И Иванов-царевичей я в печку не сажала, – добавляет Аленка с усмешкой, – Да и не было их в округе, Иванов-царевичей, одни Иваны-дураки.

Джек и бобовое зерно

В другой вечер ладья рассказывает.

Жила-была в старой – доброй Англии молочница и был у нее смышленый сын по имени Джек (Яков по-нашему). И вот как-то одна из коров перестала давать молоко, и решила хозяйка ее продать. Позвала Джека и говорит ему:

– Сынок, сведи корову на ярмарку и продай. Да смотри, не продешеви.

Ведет Джек корову, песенку напевает, беспечно палкой постукивает. Вдруг навстречу ему прохожий незнакомец:

– Продай, мол, парень, корову. А только нет у меня денег, но есть пять волшебных бобов. Придешь домой, посади их в землю, и они принесут тебе огромное богатство. Джек смекает себе: денег всегда заработать можно, а волшебные бобы – большая диковина. Ну, и сменял корову.

Дома, конечно, получил от матери. И раззявой-то она его назвала, и дурачком, и простофилей. Но Джек веру в людей не потерял и тем же вечером закопал бобы во дворе. Проснулся утром от крика матери., выбежал на двор посмотреть, что случилось, – и обомлел. Посреди двора вьется бобовый стебель с хороший дуб толщиной, а вершина его теряется в облаках.

– Полно орать, – говорит он матери, – слазаю-ка я посмотрю, что там наверху. Если таков стебель, каковы долж-

ны быть стручки!– И полез. Долго ли, коротко ли, долез до облаков. Поднялся еще выше и попал в облачную деревню. Только живут там не обыкновенные люди, а великаны.

Великаны его встретили честь по чести, в гости позвали, за стол посадили, потчуют-угощают. Только Джека страх взял. Втемяшилось ему в башку, что его сейчас съедят. Поэтому он придумал хитрость: стал потихоньку пазуху набивать колбасами да кусками окорока. А как набил себе огромное пузо, говорит:

– Что-то я объелся, ничего не лезет больше.

– Так пойди, поспи, – говорит ему великан.

– Нут, я лучше вспорю себе брюхо и выну всю еду, и тогда снова смогу есть, – говорит Джек, хватает нож и режет на себе рубашку. Оттуда посыпались колбасы и окорока. Джек-то надеялся, что глупый великан вслед за ним сам себе брюхо пороть станет и зарежется. А великан знай себе смеется.

– Ну, говорит, потешил ты меня, Джек. В жизни не видел, чтоб человек сам себе брюхо взрезал, чтоб побольше еды в него набить. Ты что думаешь, я холстину от кожи отличить не могу?

– Ну, раз ты меня так потешил, – продолжает великан, – подарю тебе целый золотой. И еще посмеюсь, наблюдая, как ты его на себе до земли тащить будешь.

А золотой-то великанский! В нем верный пуд весу будет. Но Джек не сплоховал. Снял рубаху – ведь все равно резаная уже – располосовал ее на ленты, обвязал монету крест-

накрест и привязал себе на спину. Так и полез вниз. Еле долез, правда.

А бобовый стебель на следующий день высох и обломился. Так больше Джек и не попал к великанам. Да и не надо было: золотого и ему, и его детям,, и внукам, и правнукам хватило.

– Я вот думаю, – заметила Аленка, – как он этот золотой в ход пустил, и как от шерифов и баронов богатство уберег?

– А он был волшебный, – не растерялась ладья, – тратить его мог только тот, кому его подарили. В ход пустил просто – отколупывал понемножку. Золото, оно мягкое.

– Не верю я, что дармовое золото может счастье принести, – отрезала Аленка. – А теперь пора спать.

Горшок золота

Как прилетели в Ирландию, Аленка сделалась какая-то не такая. Какая-то веселая и легкомысленная сделалась. Ладья на нее ворчала понемногу, пытаясь привести в обычную строгость, но не очень-то у нее получалось. А в субботу Аленка надела клетчатую зеленую юбку, нарядную блузку, всю в кружеве, и ушла куда-то. Да что ушла – убежала!

– На танцы убежала, – неодобрительно объяснила детям ладья, – теперь только к ночи будет!

– А что она танцует?

– Да все танцует: и джигу, и рил, и хорнпайп. Ишь ведь, и запасные башмаки с собой взяла, и мягкие туфли не забыла. А я тут волнуйся весь вечер, как она там. Ирландия эта – ох, и опасная страна. Тут всякое бывает. Да вот взять хоть лепреконов.

– Каких лепреконов? – хором спрашивают дети.

– Да нечисть местная. Весь такой маленький, ростом вон с тебя, Серега. Одет, как щеголь, во все зеленое. А левый башмак всегда с дырой. Накопит такой лепрекон золота и зарывает его в тайном месте. Еще, говорят, желания выполняет. Врут, поди. Так вот, пока я вечерами тут Аленку с танцев дожидалась, я керосиновую лампу в кают-компании зажигала. И все тут было видно, как на ладони. И дерево наше монетное тоже видно. На него, конечно, заклятье наложено,

и людям оно кажется вроде герани. Но супротив лепрекона такой морок не выстоит. В общем, заявился он раз к Аленке и говорит:

– Прекрасная леди! Предлагаю взаимный обмен. Я исполню три Ваших желания, а Вы вырастите мне такое же дерево, только с золотыми монетами.

Аленка посмеялась да и послала его подальше.

А он не отстает. На следующий день заявляется, весь разукрашенный (а левый башмак все равно с дырой) и зовет Аленку замуж.

– Все, – говорит, – мое имущество будет нашим общим, и сердце мое станет принадлежать Вам.

Аленка опять прогнала его вон.

Так он что удумал! В ту же ночь прокрался к Аленке в каюту (а она как раз допоздна зелье варила, и задремала) и стал к ней с объятьями да с поцелуями лезть. Ну, тут Аленка осерчала. Схватила половник, которым отвары в котле мешает, и стукнула ему прямо в лоб. Да еще сказала при этом:

– Чтоб ты навек забыл, где горшок свой зарыл.

– И что? – глаза у детей сверкают от любопытства.

– Забыл! С тех пор, каждый раз, как мы тут, заходит к нам и смиренно просит снять проклятье.

Тайна

Летучая ладья ходит между странами, у Сереги и Иринки добавляется знаний, и все вроде хорошо, но… Но есть у ладьи с Аленкой какая-то тайна. Первым Сергей почуял странное. Вот возьмем учебники. Лет по двенадцать им, и по ним явно уже учились. Где рожица на полях нарисована, где теорема подчеркнута, где решение карандашом начерчено. Карандаш, правда, стерт потом, но следы остались. Опять же игрушки: у сестры все куклы новые, а вот у брата сабельки и ружья, видно, что пользованные. Верхняя одежда тоже ношеная. И еще… Ладья нет-нет да и проговорится. Ясно стало Сереге, что жил здесь до него еще один мальчик. Поделился он своим знанием с Иринкой, та предложила:

– Давай прямо спросим. Тетя Алена хорошая, она расскажет.

– А почему тогда сразу не рассказала? – Загадка.

В общем, положили ждать до зимы. А зима скорехонько настала. Вот уже и сочельник скоро. Набрался храбрости Серега и в один из вечеров, когда Аленка сидела в кресле с котом Василием на руках, сказал:

– Тетя Алена, – кстати, ребята так и не приучились звать Аленку Аленкой, – мы ведь все знаем. Здесь до нас жил другой мальчик, лет двенадцать назад. Что с ним случилось?

Аленка не ответила. Не ответила и ладья. Лишь канарейка

озабоченно пискнула:

– Мы про него не вспоминаем.

– Отчего ж не вспоминаем, – вдруг раздался ясный голос колдуньи, – самое время вспомнить. Был у меня воспитанник до вас, и звали его Иваном. Подобрала я его на Лиговке. Он у собора песни распевал и подворовывал, конечно, когда удавалось. Вот так же, как и вы, он во мне женщину под мороком распознал, и так же, как и вы, согласился быть моим учеником. Позднее сам признался, что начитался Рокамболя и хотел стать знаменитым авантюристом. Но как попробовал морской жизни, открылось у него настоящее призвание. Всю корабельную науку он знал назубок, к зельям же и прочему колдовству сердце у него совсем не лежало. Даже полет его не так увлекал, как мореплавание.

Так что проучился он у меня четыре года, исполнилось ему пятнадцать лет, и мы с обоюдного согласия решили, что, когда вернемся в Питер, я устрою его в Морской Корпус. Да только не вернулся он.

– Про летучего данайца расскажи, – подсказывает ладья.

– Да, про летучего данайца, – кивает Аленка. – Давным-давно царь Одиссей поссорился с богом морей Посейдоном. То ли съел он быков, то ли просто угнал, не помню. А потом еще глаз великану, Посейдонову сыну, выколол. В общем, проклял его Посейдон, и не мог Одиссей вернуться на родину. И все его спутники не могли. И вот, блуждая по морю, они причалили к острову, жители которого находились

в постоянном дурмане, поедая семена лотоса. Часть своих друзей Одиссей оттуда успел увести, но немало и осталось, решив, что вечное забвение лучше вечного скитания. Тогда Одиссей оставил им одну из галер, вытащив ее на песчаный берег, как тогда водилось, а сам уплыл.

Так вот эта галера стояла-стояла на песке, ждала-ждала моряков, да так и не дождалась. А вместо этого стала она летучим кораблем, и теперь, словно призрак, летает над океанами. Изредка встречала ее и я. Думала, что это и есть призрак, видение бестелесное, а оказалось иначе.

Иван мой очень Италию любил, это у него с беспризорного детства осталось. Когда он в первый раз увидел, что апельсины и лимоны (дивное лакомство) растут просто на деревьях вдоль дороги, у него дыханье сперло.

– Так вот он какой, рай, – сказал он тогда мне.

Позднее понял, конечно, что никакой ни рай, страна со своими бедняками и нищими, но за это первое волшебное впечатление полюбил Италию навсегда. И мы часто туда наведывались.

Около берегов Италии все и случилось.

Как-то вечером, мы уже спать собирались, показался снова на горизонте летучий данаец и стал сближаться. Ну, я не боюсь – не первый раз вижу, чай. А он все ближе подходит, стал бок о бок и летит рядом. И музыка с него раздается такая…

– Как серебряные струны, – грустно говорит ладья.

– Нежная, манящая. Сперва ее просто приятно слушать было. А потом словно морок на меня упал, не могу пошевелиться, ни слова сказать. И вот смотрю : летит с данайца на нас абордажный крюк и впивается прямо в борт ладьи. А Иван мой, как лунатик, идет прямо к крюку, ступает на канат, что к нему привязан, сходит на галеру и встает у штурвала данайца.

– Только то не штурвал настоящий, а рулевой рычаг, – торопливо вставляет ладья.

– Растаял данаец, как и не было. Только метка осталась, где крюк в борт вошел. С тех пор почти девять лет прошло. В начале я места себе не находила, все металась по морям, искала данайца проклятого. А сейчас вроде отпустило. Ну, что, удовлетворила я ваше любопытство?

Брат с сестрой кивнули. Долго ворочались они в тот день в своих койках. Но под конец уснули крепким детским сном.

История кенара Рико, рассказанная им самим

Канарейка. Вот все говорят, канарейка. А я – кенар. Между прочим, иностранного происхождения птица. С дальних тропических островов мои родственники происходят. И здесь я не просто так появился, не шантажом себе приют добыл, как кот Василий. Я – сувенир несчастной любви.

Родился я в Испании, в знойной Андалусии. В юности, как и все кенары, прошел жестокую школу пения у мастера – старого Хосе Альвареса. А потом моей хозяйкой стала молодая девушка. Звали ее Катерина.

– И вовсе Лурдес звали ее, – встряла ладья.

– Не перебивай! И Катерина ее звали, и Лурдес, и еще Луиза, и Мария по фамилии Китана. Была она дочерью начальника порта Малаги, очень важного сеньора; и как дочери всех очень важных сеньоров, с младенчества была просватана.

И вот в один несчастный день зашел в гости к ее отцу иноземный капитан. В шахматы поиграть и пообедать.

– Сперва пообедать, а потом в шахматы, – снова встряла ладья.

– Говорю же, не перебивай! Девушка, как положено хозяйке, вышла к столу вся в черном и все время молчала. Речь же гостя очень ей понравилась. Видно было, что это бывалый

моряк и галантный кавалер.

– Это Аленка была, – не выдержала ладья.

– Ну, это я потом узнал, что Аленка. А тогда я сидел в спальне у Катерины, и в глаза не видел того капитана, о котором она толковала весь вечер.

А капитан этот повадился захаживать, чуть не каждый день. И вот уж вижу я, что моя Катерина плачет по вечерам горько-горько. Влюбилась, дурочка! Ну, в Испании с этим строго: коли у тебя уже есть жених нареченный, не заглядывайся на других. А если по дурости своей влюбилась в чужака, скрывай свое чувство до последнего.

Катерина моя так и поступила. К тому же любезный капитан вскоре отбыл и больше не появлялся. А появился он снова через год и два месяца, когда Катерина-и-Лурдес-и-Мария-и-Луиза Китана уже вышла замуж и даже благополучно родила девочку.

Да только сердце ее было ранено жестоко. И узнав, что возлюбленный снова рядом, она не выдержала и послала ему записку. Тот был очень встревожен, узнав о чувствах девушки, ведь капитан этот был не кто иной, как Аленка.

– В общем, накормила она ту Лурдес салатом из побегов ревеня и одуванчикового корня, – в последний раз ворвалась в неспешное повествование ладья, – а он, как известно, лучшее лекарство от несчастной любви.

– И сентиментальная Катерина в память о своей былой любви подарила Аленке меня, – кенар раскланялся. – И те-

перь я пою здесь. А вы все можете внимать моему дивному вокалу.

Самая короткая глава

Несколько дней Серёга ходил задумчивый. Несколько дней он чертил в тетрадях какие то схемы геометрические. А потом пришёл к Аленке и сказал:

– Музыка – это ведь гармония?

– Можно сказать и так.

– Тогда я, кажется знаю, как эту волшебную музыку одолеть.

И они немного пошептались.

– Может получиться, – кивнула Алёнка. – А я, кажется, знаю, как этого летучего данайца подманить.

И они ещё немножко пошептались.

А на следующий день собрались все вместе в кают-компании и рассказали остальным, как действовать. И все всё поняли. И ладья, и Иринка, и утончённый кенар Рико и даже кот Василий, у которого обо всем есть своё мнение, согласился.

Приманка

Прошло полгода. Летучая ладья, Аленка, повзрослевшие дети, кот Василий и даже кенар Рико отправились на Итаку. Итака – это маленький остров в Ионическом море, именно оттуда родом был Одиссей, именно туда рвется попасть и не может летучий данаец.

– Какая маленькая, – удивляется Серега, глядя на остров с высоты ладейного полета.

– Не больше десяти квадратных километров, – объясняет Аленка. – А известен тот остров больше любого другого. Ну, что ж, будем приводняться.

На острове ребята вынули кусок земли вместе с травами, аккуратно вынули, чтобы корни не повредить, и положили в специальный кипарисовый ящик. А Аленка тем временем купила у крестьян местного оливкового масла и сладкого итакского меда.

Вернувшись на ладью, они водрузили ящик с травой на корму, хорошенько закрепили его, а бортики смазали медом и маслом. Теперь, где бы не скитался данаец, учует он запах родной земли и примчится к летучей ладье, – так рассуждала Аленка.

И отправилась по своим делам. Свои дела вели ее в Южную Америку, где хотела она показать воспитанникам знаменитую Амазонскую парароку, когда могучий океан вры-

вается в устье реки, и все сметая на своем пути, преодолевая сопротивление пресной воды, поднимается на 3000 километров вверх по течению. Еще хотела она удивить детей гигантскими пирамидами Майя и рисунками, которыми покрыто плато Наска. Почти все удалось Аленке, и ребят поразила широкая бурная Амазонка. Но парароки они не увидали. Видно, Аленка была сильно занята какими-то своими мыслями и забыла, что парарока случается только между февралем и мартом. Зато не забывала она каждое утро доставать итакийские масло и мед и промазывать бортики кипарисового ящика. Не забывала и каждый вечер поливать итакийскую землю, и трава росла бурно, и вскоре зацвела.

Встреча с данайцем

В июле это случилось, кода зной возле Красного моря так тяжек, что хочется облить простыню ледяной водой, закутать в нее голое тело и ходить так по палубе. Но Иринка держится. Не снимает ситцевое платье, не скидывает ботиночки козловой кожи. Даже чулки не снимает. "Матрос должен стойко выдерживать тяготы походной жизни," – говорит тетя Аленка, и девочка старается – выдерживает.

– Что это ты грустная такая? – спрашивает ладья, от которой нигде не скрыться – она повсюду.

– Летучего данайца жалко. Тетя Алена говорит, что он три тысячи лет по миру скитается. Представляешь себе, три тысячи лет не видеть родины, летать без остановки? Плохо ему, поди.

– Может, привык, – холодно замечает ладья. – По мне так почто его жалеть, аспида? Он нашего Иванушку уволок.

– Все равно жалко, – не сдается Иринка, и тут раздается крик со смотровой площадки, на которой угнездился Серега:

– Корабль справа по борту!

И все бросаются к правому борту, только Аленка стоит на месте, крепко держит штурвал, да Серега не слезает с мачты – он – вперед смотрящий, на своем месте оставаться должен.

Да, это летучий данаец, потемневший от времени, с двумя косыми парусами, с двумя рядами весел, с одним-единствен-

ным человеком на борту. Стоит у рулевого рычага мужчина в тунике, весь заросший бородой, волосы спускаются ниже лопаток.

– Иванушка, – ахает ладья, и тут корабли сходятся борт о борт, и вскипает волшебная музыка, точь-в-точь словно кто-то играет на арфе с серебряными струнами.

И кажется, сейчас опять погрузится летучая ладья и все, кто на ней, в сонное оцепенение. Но вдруг сверху раздается хулиганский свист, и тут же набирает силу волна новых звуков: Серега свистит, засунув два пальца в рот, Иринка дудит в детский рожок, кот Василий орет самые выдающиеся мартовские песни, а кенар Рико страдальчески морщится, но возит клювом о прутья клетки. И эта какофония забивает волшебную музыку, постепенно серебряные струны гаснут и замолкают.

А Аленка спокойно идет в кают-компанию и возвращается с диковиной в руках – это фонограф, удивительная машина, которая сама может звуки издавать. Фонограф заведен, и вот уже над морем раздается какая-то нелепая шансонетка. Обитатели ладьи прекращают шуметь, а Иринка встает рядом с фонографом, чтобы следить за заводом.

– Нет такой гармонии, которую не может разрушить модная песенка, – удовлетворенно замечает Аленка, подбирает юбку и перелезает на летучий данаец.

Иван все это время смотрел на ладью невидящим взглядом и, когда Аленка подошла к нему и сказала: "Ну, здрав-

ствуй, Иван", – в ответ с трудом разлепил губы:

– Здравствуй, Аленка. Если это не сон. А то я здесь уже не могу отличить явь ото сна.

– Пойдем со мной, Иван.

– Не могу, корабль не пускает.

И точно, босые Ивановы ноги словно вросли в доски палубы.

– Как же ты тут живешь, что ешь-пьешь? – удивляется Аленка.

– Да так-то я ходить могу. Это он сейчас вцепился. В трюме полно припасов. Мясо вяленое, вино в мехах, лук и фиги. Только безвкусные они, словно прах земной ем. Правда, сытные.

– И на что ты летучему данайцу нужен? – задает главный вопрос Аленка

– Надеется, что я помогу найти Итаку. Я ведь не проклятый.

Аленка вздыхает:

– А ты уверен, что проклятье есть? Может, выдумки это все?

– Да я сам видел Посейдона того, – горячится Иван, – высунулся из моря по пояс и грозил нам трезубцем.

Мало-помалу из разговора выяснилось, что ходит летучий данаец по всей земле, но как-то странно ходит – только над морями и реками, над землей ни-ни. Говорит иногда с Иваном, но точно нехотя. И словно сам уклоняется от границ

Ионийского моря. Сколько раз пробовал его Иван подвести к Греческим островам, а данаец будто не хочет, не слушает руля, сворачивает в сторону.

– Ну, что ж, – говорит Аленка, – летучий данаец, свет, покажись, с тобой разговаривать будем! – И данаец отзывается, скрипит насмешливо.

– О чем мне с бабой разговаривать? Твое дело дома сидеть, шерсть прясть.

Тут со смотровой площадки раздается голос:

– Тогда говори со мной, Сергеем, Петровым сыном, по фамилии Егоровым. Если мы приведем тебя к берегам Итаки, отпустишь Ивана?

– Не совладать тебе с силой Посейдоновой, дерзкий отрок, – отвечает данаец, – ему подвластны все моря, и все корабли в морях!

– А если, – не сдается Серега, – если мы уговорим Посейдона, и он смилуется?

– Если случится такое чудо, отпущу своего кормчего на все четыре стороны, – обещает данаец.

– Тогда, – голос Сергея срывается, – вот тебе мое слово. Жди нас здесь, у берегов Красного моря, и мы вернемся к тебе с освобождением.

– Вот и тебе мое слово, быстрый на обещания отрок! Даже ждать вашего возвращения мне не придется, потому что услышу отпускающее слово Посейдона и на краю земли.

С тем и расстались.

Старый знакомый

– Нет, вы слышали? – кипятилась ладья. – Дома сиди, шерсть пряди! Вот невежа!

– А вы главное поняли? – серьезно спросила Аленка, не обращая внимания на возмущение ладьи.

– Как не понять, – кипятится Серега, – данаец этот и вовсе не понимает, что по воздуху летает. Ему кажется, что он все еще по воде ходит.

– Вот именно. И, даю руку на отсечение, он сам себя не пускает на Итаку, потому что верит крепче крепкого, что слово Посейдона нерушимо.

– Поэтому придется Посейдона найти? – спрашивает Иринка.

– Придется, – отвечает колдунья, – и есть у меня идея.

– Эй, летучая! – окликает она ладью, – ты старое наше озеро еще не забыла?

– Как забыть? Помню, – отвечает ладья.

– Тогда полный вперед!

Когда летучая ладья захочет, она мчится быстрее ветра, и вот к полудню следующего дня приводнились они на старом знакомом озере, на том самом, где когда-то, много лет назад, встретились бесхозная избушка и смуглолицая девушка.

– Все, как встарь, – мечтательно вздыхает ладья.– Вон, даже водянчата из воды выпрыгивают от любопытства, совсем,

как раньше.

Прыжки водянчат, между тем, разволновали водяного, а он-то Аленке и был нужен.

Взошел водяной на ладью весело, крепко обнял Аленку – она поежилась от глубинного холода, но стерпела – и спросил:

– Зачем, старая ведьма, пожаловала?

– Помощь мне твоя нужна. Знаешь что о Посейдоне, который распускает слухи, что он царь морей?

– Да какой он царь? Он такой же водяной, как и я, только по морской части. И вовсе не всех морей он властелин, а только тех, где его знают.

– Правду говоришь?

– Правдивей не бывает. Мне днепровский водяной дедушка сказывал, он этого Посейдона с ребячьих лет знает.

– Я так и думала, – Аленка даже пальцами прищелкнула от волнения. – Может, имеешь какое средство позвать его?

– Средство имею. Только использовать его надо там, где он водится – в Черном море или в Средиземном. В другом месте он ни за что не объявится. Нам, водяным, чужая вода – смерть.

– Тогда давай свое средство, – требует Аленка.

– Оно, конечно, можно, – жмется водяной, – но уважь и меня. Беда тут у нас. Как ты улетела, так и беда. Соседка твоя с Черного болота только хвалится, что роды у водяниц принимать умеет. А сама своим когтем грязным пузырь ло-

пает. Водянчата родятся хилые и болезненные через это. Помилуй, расскажи ты этой ведьме злющей свой секрет.

И пришлось Аленке на Черное болото пешком тащится, да еще с этой скупердяйкой и ленивицей уважительную беседу вести. Позднее Аленка признавалась, что из всех ее приключений это самое сложное задание было.

Но рассказала все бабе-яге и спицу свою заветную ясеневую подарила, чтоб не портила больше младенцев.

А за то водяной подарил ей огромную перламутровую раковину.

– Вот, – сказал он, – вострубы в эту раковину над водами моря трижды, и явится Посейдон. Только ты поосторожней с ним, а то он обманщик и жулик, каких мало.

Явился на зов

Решили совместно вызывать Посейдона в Средиземном море, где-нибудь подальше от судоходных путей. Задача не из простых, но где наша не попадала! Карты-то морские на что? Идти в намеченное место Алёнка велела не самым быстрым ходом: надо было подумать. Думала она два дня, а на третий принялась шептаться о чем-то с ладьёй. И никому больше тайную думу свою не рассказала. И ладья, на удивление, как воды в рот набрала. Ни ластившейся к ней Иринке, ни сладкоголосому кенару Рико, ни даже дипломатические предложившему свои услуги по хранению секрета вместе коту Василию она ничего не сказала.

А тут уже и море нужное под боком, вернее, под бортами. Вышла на палубу Алёнка, отчего-то разодетая в новое шёлковое платье и даже, прости, господи, надушенная и с помадой на губах. Поднесла к этим самым напомаженным губам раковину и раздался рёв почище судовой сирены. Три раза дунула Алёнка в раковину, и три раза море расступалось от рева. После третьего раза из воды поднялся Посейдон – мускулистый широкоплечий мужик с вьющейся бородой и заплетавшимися крутыми локонами длинными волосами. В руке у него был трезубец.

– Чего ты ищешь, о дева, подобная красотой заре, от Посейдона, владыки морей!

– Я прошу милости, – воскликнула Алёнка, и впрямь порозовевшая от натуги. А вы сами попробуйте в раковину подуть.

– Какой милости ты хочешь?

– Освободи летучего данайца от проклятия, позволь ему вернутся на родину!

– Они упивались туком моих быков и оскорбили моего сына Полифема. Нет им прощения!

– Э, ты погоди, погоди, – вмешался Серёга, – может, сменяемся на что? – Указал на фонограф, и полилась уже знакомая нам залихватская шансонетка. Посейдон, явно заинтересованный забавной вещицей, ступил на борт ладьи.

Алёнка провела его в кают компанию и опять принялась настойчиво убеждать помиловать данайца. Владыка морей, явно отвыкший давно от такого внимания, ломался, словно кокетливая девица на пикнике.

Наконец Алёнка предложила:

– Не хочешь меняться, может, сыграем во что? Благородный азарт издревле был присущ олимпийцам. – Посейдон оглядел кают компанию и увидел шахматы. Шахматы были ему давно знакомы, так как воды его морей часто пересекали мусульмане -большие любители этой игры, а он подсматривал за ними во время партий. Кроме того, он помнил, как не раз произносили поговорку, что женщинам не даны три вещи, и одна из них игра в шахматы.

– Ну, что ж, – наконец сказал он. – Готов сыграть с тобой

в шахматы. Только ты что поставить на кон? С меня корабль, будет справедливым, если корабль поставишь и ты.

– Идёт, – ответила Алёнка.

Ладье очень хотелось возразить: виданное ли дело живую летучую ладью в шахматы разыгрывать, но она смолчала.

Партия шла с переменным успехом. На стороне Алёнки был опыт и мастерство, на стороне Посейдона хитроумие. Однако постепенно всем стало ясно, что Аленка берёт верх. И тут внезапно разразилась буря. Ладью кидало с волны на волну, все в кают-компании, что не было привинчено, летало из угла в угол. Все да не все. Шахматная доска и фигуры на ней оставались на месте.

– А ну-ка давай без фокусов, – возмутились Алёнка. – Утихомирь свою стихию, а то я всему свету расскажу, какой ты жулик! – И что-то такое блеснуло у неё в глазах, что Посейдон сдался. Мановением бровей он остановил расходившуюся стихию.

– Ну, что ж, продолжим, – сказала Алёнка и принялась напевать давешнюю шансонетку. В ней было что-то о прекрасной Мадлен и о её малиновых чулочках. Через семь ходов Посейдон получил мат.

Испытание судьбы

Владыка морей очень возмутился. Этот мат ничего не доказывает, утверждал он. Во-первых, он никогда прежде не играл в шахматы – и тут он не врал, – а потому был поставлен в заведомо невыгодное положение. Во-вторых, он все время отвлекался на разные диковины, которых в кают-компании полным-полно. В третьих, шахматы сами по себе игра варварская. А по-настоящему благородной игрой может считаться только та, что основана на чистой случайности, на том, кому благоволит фортуна, равно управляющая судьбами богов и людей, – кости.

– Ну, что ж, метнем кости.

– Чур, кости мои, – совсем не по божественному заторопился Посейдон, – и кидаю первый тоже я.

– Как пожелаете.

Из недр хитона бога появился деревянный стаканчик, в котором находились три изрядно потертые деревянные же кости. Владыка морей потряс стаканчик, высоко покинул и на стол выпали три шестёрки

– Я выиграл, – заявил Посейдон.

Кот Василий трагически мяукнул. Иринка ойкнула и схватилась за руку брата.

– Так уж и выиграл, – спокойно сказала Алёнка. – Я ещё не кидала.

И вот в воздух снова взлетели кости, но не упали, а завертелись, описывая круги

Если бы Серёга мог знать то, что, конечно же, знаешь ты, мой любезный читатель, он бы сравнил их движение с моделью атома Резерфорда.

Вдруг вращение костей остановилось и они упали на стол. Только теперь это были не шестигранники, а семигранники, и каждый лежал семеркой вверх.

– Двадцать одно! – Победоносно сказала Алёнка

– Ах ты, мошенница, – взревел Посейдон, взмахнул трезубцем, и насупил брови.

– Ну ты не хмурься, не хмурься, – весело заметила Алёнка, – не я первая жульничать начала. Давай-ка лучше, освобождай данайца.

– И не подумаю.

И тут Алёнка рассвирепела

– Ах ты водянишка распоследний! – Сказала она обманчиво спокойным голосом, – ты что думаешь, в юбку нарядился, вилкой-переростком вооружился, и я тебя пужаться буду? Да сколько я таких, как ты на свет повытаскивала, и не сосчитать!

– Молчи, презренная смертная!

Но остановить Алёнку уже ничто не могло.

– Да ты и жив до сих пор только из-за презренных смертных! Думаешь, я не знаю, как твоя божественность работает? Пока помнят тебя, пока верят в тебя, ты и в силе. А где

б ты был, кабы не поэты, что о тебе в поэмах рассказывали, да не скульпторы, что тебя в мраморе ваяли? И памяти бы о тебе не осталось!

Посейдон топнул ногой, завернулся в плащ, словно что-то изготовился сделать, но не сделал и теперь недоуменно озирался по сторонам.

– Утечь хотел? – ядовито осведомилась Алёнка. – Ан моря то и нет. Некуда тебе течь-то? В воздухе висишь, а если бы и сиганул вниз, то там давно уже твёрдая земля с пресными реками.

Посейдон взвыл от ужаса.

– Что ты со мной наделала, северная ведьма! – вскричал он в отчаяньи.

– Да ничего особого я пока с тобой не делала, царь морей. Захотела бы наказать тебя по настоящему, отвезла бы тебя к жёлтому китайскому морю и познакомила с великим повелителем моря Юйцянем, то-то бы он посмеялся. А не то умчала бы тебя к северным берегам и свела с грозным богом вод Ньердом. А ещё лучше – у тебя ведь с ветрами отношения натянутые – прокатила бы тебя к по морским землям и пригласила в гости Сиверко. Да и то сказать, северный ветер там недолго кликать, он сам является, без зову. Ну, так что? Даёшь волю данайцу?

– Даю, – тихо сказал Посейдон.

– Ты, как следовает, скажи, – не выдержав вмешалась ладья. Она и так слишком долго молчала про уговор с Алён-

кой поднять морского владыку на воздух и умчать к твёрдой земле.

Посейдон возвысил голос и гордо сказал:

– Я, бог морей, торжественно возвращаются свободу летучему данайцу и обещаю впредь не преграждать ему пути на родину.

– Ну вот, – сказала Алёнка. – А теперь дай-ка я тебе, вашество, голову причешу. – И провела несколько раз частым гребнем по волнистой гриве. Через минуту между зубьев змеился блестящий, словно ртуть, волос.

– Это ещё зачем? – озаботился разоблаченный морской водяной.

– А вот зачем, друг сердечный. Если ты вдруг передумаешь или когда супротив меня подняться решишь, будет и у меня управа на тебя. Я сейчас этот волос аргановым маслом смажу да в шкатулочку то и спрячу. И пока тот волос у меня, я что хочу, то с тобой и сделаю. А чего я, северная ведьма, захочу?

Посейдон вздрогнул.

– Ну что, – скомандовал Алёнка, – правь к морю, ладья, будем отпускать пленника!

Освобождение

Посейдон утек в какой то мелкий заливчик, не попрощавшись, а летучая ладья поспешила на встречу с данайцем. По дороге Алёнка и ладья наперебой рассказывали ребятам, коту и кенару свой хитрый план.

– Я сразу смекнула, – торопливо говорила ладья, – что у этих древностей замшелых нет никакого уважения к женщинам. Вот и подговорила Аленку разрядится да накрасится

– И ещё духами прыснутся, фу, я весь день задыхаюсь, – с отвращением сказала Алёнка.

– Очень приятный запах. Пармская фиалка, – со знанием дела сказал кенар Рико.

– По мне нет лучше запаха свежих трав и цветов, – отрезала Алёнка. – Ну, а остальное все просто, женщина – негодный противник с его точки зрения, вот он бдительность и потерял. А как над землёй оказались, то тут он уж весь мой.

Дети довольно рассмеялись, вспоминая озадаченное лицо Посейдона, которому не удалось утечь.

–Ой! – ахнула Иринка. – А где фонограф?

– Свистнул, – резюмировал Серёга. – А ещё бог.

Так, лишившись фонографа, но приобретя хорошее настроение, добрались до условленного места. Там в нетерпением нарезал круги летучий данаец.

– Еле сдержал его, – весело крикнул Иван. – Рвётся на

родину.

– Ну, раз рвётся, идём максимальной скоростью, – скомандовала Алёнка.

Ладья, конечно, опередила данайца. Сошли на берег, нашли подходящий холм, приладили пласт земли, что так на корме и простоял все приключения, на родную почву. Алёнка полила специальным раствором, чтоб корешки лучше прижились, и вернулась на берег. На воде уже покачивался довольный данаец, а Иван стоял на песке рядом с ребятами.

Древний корабль ещё качнул пару раз парусом, словно говоря спасибо, потом поднялся высоко на волне и грянулся о берег, рассыпавшись белой морской пеной.

– Ну, вот, он и вернулся домой, – задумчиво сказал Иван. – А вернёмся ли домой мы?

– Обязательно вернёмся, – ответила Алёнка. – Но сперва тебе надо побриться.